

СИМОН
КОРДОНСКИЙ

РЕСУРСНОЕ
ГОСУДАРСТВО

Симон Кордонский

**РЕСУРСНОЕ
ГОСУДАРСТВО**

**Москва
REGNUM
2007**

Симон Кордонский

РЕСУРСНОЕ ГОСУДАРСТВО

Редактор Г. Скрябина

Корректор Г. Каргина

Дизайн обложки и верстка Д. Ипполитов

REGNUM

123001, г. Москва, Трёхпрудный пер., д. 11-13, стр. 1, пом. 36-1

Подписано в печать 01.04.2007. Формат 80х60/16

Бумага офсетная. Гарнитура Mypiaд Pro. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,75. Тираж 500 экз. Заказ 43.

Отпечатано в «ИПО Матвея Яковлева»

150054, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 2, оф. 1106

УДК 66.3(2Рос),1 + 67.400.5(2Рос)

ББК 340.1

К 66 Кордонский Симон Гдальевич. РЕСУРСНОЕ ГОСУДАРСТВО: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.

Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта (06–010097) Научного фонда ГУ-ВШЭ, 2006 г.

В книге, представляющей собой серию статей последних десяти лет, автор подвергает ревизии сложившиеся представления о линейности развития российской государственности и о том, что после распада СССР в России возник и развивается капитализм. Он вводит понятие ресурсного государства и обосновывает тезис о том, что в силу особенностей его устройства периоды ослабления и экономической деградации и разрухи (перестройки, оттепели, революции, гражданской войны — вплоть до распада) сменяются периодами укрепления государственности, сопровождающимися «восстановлениями народного хозяйства», — феноменом, который не вполне адекватно интерпретируется как экономический рост. В связи с этим автор ставит вопрос о границах применимости для анализа устройства ресурсного государства таких понятий, как право, демократия, гражданское общество, экономика.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕСУРСНОЕ ГОСУДАРСТВО — ОТ РЕПРЕССИЙ К ДЕПРЕССИЯМ.....	3
Цикличность российской истории.....	5
Политэкономия социализма и ее наследие	9
Ресурсное государство	13
Национальная идея как обоснование необходимости мобилизации ресурсов.....	15
Ресурсные депрессии и репрессии как способ «наведения порядка» в использовании ресурсов.....	18
Товары и деньги при ресурсной организации государства	23
Виды ресурсов в современном ресурсном государстве.....	27
Самоуправление ресурсами: перераспределение и расхищение	29
Мифологема социальной стабильности как форма легитимации расхищения ресурсов	35
Мировая экономика и ресурсная организация государства.....	37
Застои и депрессии как фазы государственной жизни	39
О политике и политической системе	44
 ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОРРУПЦИЯ.....	47
Гражданское общество как умозрение.....	49
Гражданское общество и его организации	50
Российский феномен — неорганизованное гражданское общество	52
Институты гражданского общества.....	54
Гражданское общество и коррупция	56
Борьба с коррупцией как борьба с гражданским обществом.....	57
Изучение коррупции как изучение гражданского общества	60
 В РЕАЛЬНОСТИ И НА САМОМ ДЕЛЕ	65
Распределенный образ жизни как субститут общества	72
Административный рынок как субститут государства.....	77
Реформы и жизнь: между «реальностью» и «на самом деле».....	80
 1987 – 1997: PER ASPERA AD ANUS.....	83
Еще не совсем советская власть.....	88
Совсем не рыночная экономика.....	91
Реформы, реформаторы, гражданское общество и прочая лабуда	93
Бедность как товар на российском рынке долгов	96
Средства информации власти	101
Через тернии в жопу	103

Цикличность российской истории

Российская история никак не может стать собственно историей. Уже много лет она политически актуальна. И действительно, несмотря на то что эпохи перемен уже в который раз переходят в эпохи застоев, а государство то распадается, то собирается вновь, Салтыков-Щедрин остается современным писателем, путевые заметки маркиза де Кюстина читаются как репортажи, письма Чаадаева политически актуальны. Тексты выступлений некоторых современных публицистов вполне могли бы принадлежать пламенным революционерам 20-х годов XX века или реакционерам времен Николая I.

Сменяются поколения, и в каждом из них старческое ощущение «колеи истории» соседствует с инфантильным стремлением строить очередное «светлое будущее». Времена очередного «укрепления государственности» несут с собою жажду перемен, которая, в свою очередь, сменяется жаждой стабильности (в том числе защиты от воровства, бандитизма и произвола мелких начальников), возникающей во времена депрессий государства: оттепелей, перестроек, революций. Существуют фундаментальные работы, описывающие циклы нашей истории, однако из них не становится более ясным, что же это за феномены и почему такой выраженной цикличности нет в историях других государств.¹

Граждане в эпохи застоев живут воспоминаниями — иногда своими, а чаще чужими — о настоящей жизни: тревожной молодости и великих свершениях, подвигах на фронтах сражений и великих стройках социализма, борьбе за свободу и против антинародных режимов и прочей лабуде. А в эпохи депрессий пытаются жить не своей жизнью, уподобляясь известным им из всегда актуальной истории типам: имперским аристократам или политикам, декабристам или народникам, помещикам или священнослужителям, чекистам и белогвардейцам, дворянам, большевикам, меньшевикам, кадетам, диссидентам, героям войн, революций и контрреволюций, фермерам или крестьянам. Они проигрывают известные им в пере-

¹ Н. С. Розов. Цикличность российской истории как болезнь: возможно ли выздоровление. <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/cycles1.htm>; В. И. Пантин, В. В. Лапкин. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006; В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996.

сказе интеллигентных обществоведов старинные роли, мечтая вернуться в то прошлое, которое, не без их усилий, иногда становится настоящим.

Внешние наблюдатели идентифицируют российские феномены с некоторой натяжкой. Усматривая в нашей повседневности разные разности вроде архетипов национального характера, признаков анархии и демократии, тоталитаризма и самодержавия, развитой экономики и нетоварного хозяйствования, они строят теории, понятные только им самим. Наблюдатели уверены в том, что знают, что было и есть «на самом деле». Только «всамделишное» у каждого свое.

Российские феномены действительно чем-то напоминают книжные прототипы, однако не тождественны им, отличаясь российской спецификой. Наблюдатели усматривают то, что ожидают увидеть, но усмотренное оказывается не каноническим, не таким, каким ему полагается быть. Разочарование оказывается иногда так велико, что вполне уравновешенные люди ведут себя не вполне адекватно, считая, наверное, что Россия виновата в том, что не вписывается в их представления о ней. Напомню высказывание известного перестроечного публициста — реакцию на успех ЛДПР на парламентских выборах: «Россия, ты одурела».

Эти же наблюдатели, особенно их рефлексирующая часть, представляют историю страны чаще всего как последовательность событий в линейном времени — от Смутного времени к самодержавию, от самодержавия к революциям, от революций к застою, от застоя к перестройке и пр.² Периодическая смена диктатур-процветаний кризисами-перестройками находится на периферии их внимания, и воспроизведения прошлого в настоящем отмечаются скорее как казусы. Наблюдатели нацелены в светлое будущее, воспринимая повторение уже бывшего как наказание божие и результат того, что во главе государства опять оказались такие же корыстные политики, какие были когда-то.

Современная Россия, с точки зрения таких устремленных в будущее граждан, — обычная страна, которая когда-то строила социализм, а теперь модернизируется и становится похожей на другие страны. Это, по их мнению, страна с уже рыночной экономикой, степень государственного вмешательства в которую еще велика. Если ее уменьшить, то все будет так же, как в других странах. Разные отклонения от нормативной картины объясняются тем, что руководство страны не очень экономически грамотно и допускает совковые формы управления. Если это руководство подучить, то все будет более чем нормально, и темпы экономического роста — основной показатель, на который ориентируются апологеты модернизации — ста-

² Е. Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

нут такими же, как в современном Китае. И Россия будет еще больше походить на США.³

Реформаторское умозрение является существенным компонентом циклов «процветание — депрессия». Российское мироощущение не самодостаточно и сотни лет строилось по большей части на межстрановых сравнениях. Лозунг «догнать и перегнать» в разных вариантах определял и определяет действия власти и мышление элиты. Реформаторы в разные исторические времена ставили задачи сделать Россию такой, как Голландия, Германия, Швеция, Франция, Португалия, Аргентина, Польша, Чили и пр. На этом пути их преследовали и преследуют катастрофические неудачи, в результате которых бытование граждан остается выживанием в катаклизмах.

Петровские реформы, освобождение крестьян, коллективизация, индустриализация, приватизация, национализация и монетизация льгот. Комплекс неудачника преследует озабоченных прогрессом наблюдателей. Они хотят всего самого хорошего и светлого: сильного и уважаемого государства, настоящей демократии, гражданского общества, рыночной экономики. А в результате осуществления властью их рекомендаций получаются — чаще всего — всемирное недоверие, сопряженное с небезосновательной боязнью русского медведя, беспомощное самодержавие, советская власть и гражданская война, борьба с терроризмом и суверенная демократия, анекдотическая политическая система, враги народа и вредоносные организации гражданского общества, повсеместные воровство и коррупция. Виновными в этом, по мнению наблюдателей, всегда оказываются власти, не так реализовавшие их гениальные проекты и концепции.

Россия уникальна, как и любая другая страна. Ее уникальность, на мой взгляд, в том, что почти любое дело, которое затевают ее граждане, исходя из самых благих намерений, оборачивается своей противоположностью. Как говорят в привыкшем к этому народе, все идет через жопу. Или, словами известного крепкого хозяйственника, политика и дипломата: «Думали как лучше, получилось как всегда».

Почему? Я пытался косвенно ответить на этот вопрос, предложив в качестве российской специфики гипертрофированные админи-

³ Андрей Илларионов. Опасный поворот. Государство в бизнесе — неудачник // Российская газета. 2005. 23 сентября.

стративно-рыночные механизмы.⁴ Но в синхроничной теории административного рынка нельзя объяснить, почему титанические усилия власти по укреплению государства приводят в конечном счете к какой-либо форме тоталитаризма, а не меньшие усилия по демократизации заканчиваются ослаблением государства, иногда его распадом. Попытку объяснения, основанную на этнических детерминантах социально-экономического устройства России и ее истории, предприняла О. Бессонова.⁵ Существуют и другие способы и попытки объяснений, однако по большей части они представляют собой варианты «теории заговора», которые не интересны.

Разрыв между наблюдаемым и способами его объяснения поражает. Феномены нашей жизни имеют мало общего с тем, чему следует быть, если исходить из общепринятых теоретических схем. Во многом поэтому аргументация в обычном интеллигентском дискурсе строится как противопоставление того, что есть (устрашающего, неправильного), тому, что должно быть согласно исповедуемой дискутантом теории. Но при этом даже самые простые идеологически и политически не акцентированные описания отечественных реальностей — пока редкость. Более того, предметное знание о том, что происходит в стране, вызывает реакции типа «этого не может быть, потому, что этого не должно быть» и «это незачем знать, потому что оно исчезнет в ходе реформ». Вместо исследований тиражируется бездумное применение импортированных теорий, предполагающее, в точном соответствии с прогрессистскими стереотипами, что Россия — такая же страна, как и те, в которых методики созданы.

⁴ С. Кордонский. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С моей точки зрения, в России на рынке обращаются феномены, которые в других национальных государствах не являются товаром, не обмениваются на деньги или обмениваются, но не в таких масштабах — власть, например. Административно-рыночные подходы описывают устройство аппарата государства и не предназначены для объяснения того, почему огромной стране необходимы такие громоздкие и неэффективные структуры власти и зачем надо государству управлять огромными материальными и человеческими потоками, в то время как в других странах — экономически успешных и политически стабильных — такого просто нет.

⁵ Книга Ольги Бессоновой «Раздаточная экономика России» (М.: РОСПЕН, 2006) — новый взгляд на хозяйственное развитие России // Общество и экономика. 1998. №8–9. С. 241–255. В этой концепции, интегрирующей опыт полевых экономико-социологических исследований и авторскую интерпретацию специфики исторического процесса в России, аргументированно доказывается существование реалий, выпадающих из поля зрения исследователей при традиционных для экономической науки способах представлений и интерпретаций. Методологически предлагаемые мною подходы к описанию отечественной реальности во многом близки к тому, что предлагает О. Бессонова, однако я не вижу необходимости в столь глубокой, как у нее, редукции к этническим истокам наших проблем. (<http://ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/RAZEC.html>)

Однако апологеты импортных теорий, презентуя результаты своих исследований, вынуждены, если честны, признавать, что исследованный ими феномен совсем не такой, каким они себе его априори представляли, или не существует вовсе.⁶ А независимый исследователь, занимающийся эмпирическим изучением страны, прежде всего фиксирует неприменимость стандартных понятийных и методических схем для описания наблюдаемого.⁷

Политэкономия социализма и ее наследие

В России, с моей точки зрения, не было той экономики, которая описывается в стандартных учебниках. То, что внешние наблюдатели принимают за экономику, вероятнее всего, вообще не экономика, а ресурсная организация государственной жизни.⁸ В теориях, ко-

⁶ Так произошло с поисками среднего класса в России. См.: М. Тарусин. Средний класс и стратификация российского общества: лекция от 27 января 2005 // Публичные лекции Полит.ру: <http://www.polit.ru/lectures/2005/02/02/mid.html>

⁷ Т. Нефедова, Дж. Пеллот. Неизвестное сельское хозяйство. Зачем нужна корова. М., 2006.

⁸ Я не нашел в экономической литературе адекватного определения такой системы отношений, поэтому использую термин ресурсы и ресурсное государства без ссылок. Отсутствие определений тем более интересно хотя бы потому, что в обыденных отношениях и в профессиональных дискуссиях термин ресурсы неизбежно возникает в разговоре всякий раз, когда обсуждается судьба России. Есть совершенно невнятная, с моей точки зрения, позиция идентификации отечественного социализма с азиатским способом производства, при которой в какой-то степени затрагивается вопрос о ресурсах. См., например: А. В. Захаров. «Реальный социализм» и «азиатский способ производства» // Общественные науки и современность. 1993. №3. С. 164–172.

Очень хорошо чувствовал ресурсную природу социализма Юрий Васильевич Яременко: «Описывая эти процессы, я ощущаю определенную неудовлетворенность из-за отсутствия адекватного языка описания. Строго говоря, речь не идет о явлениях экономических — скорее их следует осмыслять в терминах социологии. Вторичность нашей экономики по отношению к воссозданию и расширению упомянутых мной административно-социальных структур — это та проблема, которую никто до сих пор правильно не понял и не оценил, потому что мы привыкли жить в умозрительном мире экономического детерминизма. И нам трудно осознать, что наше общество было больше похоже не на Европу или Америку, а скорее на древний Египет, где строительство пирамид являлось цементирующим элементом всей египетской цивилизации. Так и наша экономика в своем развитии не имела какого-то внутреннего смысла, а была лишь неким пространством для воспроизводства и расширения административных структур» (Ю. Яременко. Экономические беседы. Диалоги с С. Белановским. М., 1999). Однако идеи Ю. Яременко не развивались отечественными экономистами, увлеченными в основном переводами классиков мировой экономической мысли и попытками втиснуть наши реальности в заданные бог знает кем и когда понятийные рамки.

которые исповедуют прогрессивно настроенные экономисты, такой феномен, насколько мне известно, не анализируется. Аппарат этих теорий соответственно мало применим к описанию потоков ресурсов, дирижируемых государством. Товар в России не совсем товар, деньги не совсем деньги, производство не совсем производство, и даже потребление только внешне сходно с классическим потреблением, описываемым в стандартных учебниках экономики.

В. Ильин так определяет отличие ресурсов от капитала: «Категории ресурса и капитала связаны, но не являются тождественными. Ресурс — это возможность, которая отнюдь не обязательно станет реальностью. Любой капитал — это ресурс, но не каждый конкретный ресурс превращается в капитал. Капитал — это рыночный ресурс, реализовавшийся в процессе возрастания стоимости. Поэтому обладатели одних и тех же с точки зрения материальной формы ресурсов могут иметь разное отношение к капиталу и соответственно — разное место в классовой структуре. Деньги в кубышке — это сокровище; деньги в рыночном обороте, приносящие прибыль, — это капитал. Такое превращение ресурса в капитал возможно лишь в контексте рыночного общества. Там, где нет рынка, возрастание рыночной стоимости ресурсов не происходит».⁹

В России была предпринята попытка построения социальной системы без капитала, основанной только на ресурсах. Попытка в каком-то смысле удалась. И потому социальная структура по умолчанию по-прежнему описывается классами по отношению к средствам производства, а не традиционными для современной импортной науки классами по потреблению — высшим, средним и низшим.

С моей точки зрения, ресурсная организация государства, ускользающая от описания методами классической науки, нормативно описана в трудах классиков строительства социализма в СССР. Идеальные конструкции политэкономии социализма за 80 лет в какой-то мере стали самой жизнью. Они настолько привычны, что опознать социалистические стигматы в нашей сегодняшней, по видимости капиталистической жизни — задача и неблагодарная, и содержательно не тривиальная. В ходе строительства социализма возникли, например, принципиально новые феномены, такие как: классы рабочих, крестьян и служащих, отрасли народного хозяйства и административно-территориальное деление страны. Они представляют собой объективации категорий политэкономии социализма. Их невозможно понять, не используя ее понятийный

⁹ В. Ильин. Классовая структура: классические концепции и современная Россия // Отечественные записки. 2003. №3.

аппарат. Однако, с точки зрения классической науки, эти наши объективные реальности являются полной бессмыслицей и существовать не должны и не могут.

Советский социализм был целостной системой управления ресурсами, рационально выстроенной, логически связной и реализованной в системе государственного устройства. Он не умер, вопреки мнению большинства отечественных идеологов, политиков и экономистов. Более того, очистившись от советской риторики, он возрождается как во многом антисоветский — но социализм. Конфликт между сторонниками разных форм его реинкарнации (от интернационалистов-государственников и православных социалистов до национал-социалистов) — основа многих актуальных идеологических дискуссий. Даже те политики, которые считаются либеральными, ищут приемлемые формы реализации таких тезисов, как необходимость промышленной политики, планирования, справедливого распределения и контроля за ценами.

Сложнее ситуация с наукой экономикой и социальной практикой, на ней основанной. Положения политэкономии социализма воспринимаются сегодня «настоящими экономистами» как некий курьез, настолько они выходят за рамки той экономики, которую преподают в вузах и бизнес-школах. И как курьез воспринимают отечественные предприниматели то, чему учат в этих вузах и бизнес-школах, настолько эти знания не соотносятся с их практикой. Основные предметы в этих учебных заведениях — иностранные языки и математика. Специальные предметы чаще всего представляют собой пересказы содержания переводных книг и статей, не имеющих референтов в нашей жизни.

Основная идея советского социализма заключается в том, что экономика и социальная организация государства должны быть слиты в единый механизм справедливого распределения ресурсов. Производство должно быть компонентом социальной жизни, а социальная жизнь должна быть организована как самое современное производство.

Во времена Ленина образцом устройства жизни были технологии второй промышленной революции. Сегодня актуальны информационные технологии, апологеты которых намерены все учесть, подсчитать и обеспечить контроль за ресурсными потоками. Недавняя попытка применить эти технологии для управления потоками в алкогольном бизнесе привела, как известно, к первому в новейшее время кризису дефицита. Но начало положено.

Синкретическая система должна обеспечивать бескризисную плавность и поступательность развития общества, основанного на рациональной концентрации и распределении принадлежащих общенародному государству ресурсов.

Достаточно пожить в России, чтобы убедиться в том, что система, построенная на основе категорий политэкономии социализма, не исчезла с распадом СССР. Поэтому работы основоположников политэкономии социализма Ленина, Сталина, Бухарина, Сокольникова, Струмилина и таких практиков социалистического строительства, как сталинские наркомы Вознесенский, Зверев и Любимов, остаются адекватными описаниями нашей реальности, естественно, с поправкой на время, стилистику и безыдейность.

Настоящий социализм — общество без рынка с его кризисами перепроизводства и соответственно без экономики.

Ресурсная политэкономия сопоставлена с ее содержательной критикой в трудах Мизеса, Ротбарда и их многочисленных предтеч и последователей. Однако эти работы, блестящие и по форме, и по содержанию, доказывающие неадекватность логики и практики социалистического строительства, все-таки дают мало оснований для прогнозов и оценок состояния постсоветского ресурсного строительства. Как иллюстрации к содержательной критике социализма можно рассматривать воспоминания жертв репрессий, участников войн, обычных граждан о том, как и какая им нарезалась пайка, как они воевали, сидели, голодали, хоронили близких или бежали из страны, направившей все усилия на достижение великой цели. Разрыв между нормативным политэкономическим описанием, с одной стороны, и критикой и обыденным видением ресурсного государства — с другой, настолько велик, что не поддается преодолению. Это хорошо видно при сравнении риторики «гласности» и современной патриотической риторики. Одни люди верят в нормативные схемы устройства имперской государственности, социализма и формулируемые сейчас конструкции идеального устройства современного российского государства. На этом основании они отказывают в адекватности другому знанию — об имперских и сталинских репрессиях, о голоде при императорах, Сталине, Хрущеве, Брежневеве, о бардаке ельцинских времен, о повальном расхищении государственных ресурсов, современном произволе силовиков, о коррупции чиновников всех времен и многом другом. Другие признают адекватными только теоретическое отрицание социализма и обыденное знание о человеконенавистнической практике самодержавия, социалистического и постсоциалистического ресурсоустройства. Эти люди считают стилизованные описания империи, страны Советов и современной государственности злонамеренными спекуляциями или прямой ложью. И этот разрыв между нормативной теорией и описаниями практик ее реализации не может быть залатан никакой пропагандой.

Ресурсное государство

Задачами ресурсного государства были и остаются мобилизация и управление ресурсами, которые совсем не товары и чья ценность невыразима в деньгах. Ресурсное богатство меряется натурой, «чугуном и сталью на душу населения страны». Мобилизация ресурсов заключается в том, что государство (в идеале) безраздельно управляет всеми материальными и человеческими потоками. Ресурсное государство возникло как инструмент управления ресурсными потоками, им же сформированными. Оно создает условия для беспрепятственного перемещения ресурсов и прежде всего убирает то, что им мешает, то есть внутренних и внешних врагов.

Ресурсы по-русски — скорее сокровища, которые утаиваются или бесполезно растрачиваются природой и людьми, в то время как они должны быть отмобилизованы и употреблены на достижение великой цели. Административно-территориальная, отраслевая и социальная организация нашей страны производна от поиска, добычи и накопления ресурсов, их распределения и освоения. Социальные связи при такой организации жизни есть потоки ресурсов между элементами государственной структуры. Население — ресурс для строительства советского, или, как сейчас, российского социализма. Образование — ресурс (отсюда, например, разговоры об утечке интеллектуального капитала), здоровье населения — ресурс, земля — ресурс. Труд не является в рамках такой организации жизни товаром, он тоже ресурс. Термин «трудовые ресурсы», изобретенный политэкономом социализма, очень точно отражает место и роль населения в организации добычи других ресурсов и их переработке, а значит, и в социальной системе. Государство, как Мидас, трансформирует в ресурсы все, что оказывается необходимым.

Территория, полезные ископаемые, флора и фауна, люди, наконец, — не более чем ресурс. Вместо экономики как системы производства благ в социалистическом государстве есть накопление и управление ресурсами, нужными для того, чтобы, как в анекдоте времен брежневского застоя, попытаться в очередной раз обогнать мировых лидеров, стоящих, если верить официальной пропаганде, на краю пропасти. Ресурсы самоценны, владение ресурсами — всё. Социально значимы те, у кого больше ресурсов, и если ты не имеешь доступа к ресурсам, значит, ты никто. Производство есть разработка ресурсов, социальная жизнь — накопление ресурсов. Политика — борьба за ресурсы, в том числе и такие, как территория, геополитическое поло-

жение, космос, океанские глубины. Вместо экономики — распоряжение ресурсами, причем эффективность распоряжения определяется по степени приближения к великой цели.

Ресурсная организация государства фрактальна, то есть на любом уровне устройства она воспроизводит основные свои структурные особенности. Каждый фрагмент государственного устройства, в том числе люди, есть ресурс для другого фрагмента. И перед каждым таким фрагментом государством «ставится» задача быть ресурсом, то есть быть полезным с точки зрения достижения великой государственной цели, которую конкретизируют вплоть до отдельного человека.

Общегосударственная великая цель декомпозируется в набор частных целей фрагментов государственного устройства (единиц административно-территориального деления, отраслей народного хозяйства, социально-учетных групп рабочих, крестьян и служащих), которые созданы как детали в машине поступательного движения к цели. Пятилетние планы социального и экономического развития СССР, утверждавшиеся на съездах КПСС, развертывались в годовые, квартальные и месячные планы всех фрагментов его устройства — от республик до сельсоветов, от отраслей народного хозяйства до рабочей бригады. Выполнение этих планов обеспечивалось ресурсами, распределяемыми государственными планирующими органами. Физически материальные ресурсы выделялись органами государственного снабжения, а трудовые ресурсы — Госкомтрудом и НКВД – МВД.

Формой использования ресурсов является их освоение. Предприятие, отрасль или регион, которому разнаряжены ресурсы, должны их освоить. Результатом освоения является удовлетворение нормативной потребности или создание некоего изделия.

В результате освоения ресурсов товар не возникает. Сам факт расходования ресурсов есть свидетельство их использования. Израсходованные ресурсы списываются, перестают существовать как единица учета.

Формой хранения ресурсов является складирование. Запас, как известно любому человеку, пожившему при социализме, карман не тянет, и потому количество ресурсов, накапливаемых государством и его гражданами, огромно. Но это богатство не может быть оценено в терминах товаров и денег, по самой природе государства.

Объем накопленного можно представить на простом примере: расхищение и вывоз за пределы России металлов, накопленных СССР, дают возможность уже 15 лет неплохо жить разного рода крепким хозяйственникам десятка государств. А запасы соли, спичек, мыла, консервов и сахара, значенных гражданами государства в эпоху последнего дефицита (в 1970–1980-е годы), были, по экспертным оценкам, израсходованы к середине 90-х годов прошлого века.

При ресурсной организации государства ни о каких собственно экономических инструментах определения эффективности речь не может идти в принципе. Вопросы о стоимости, экономической эффективности не могут быть даже поставлены — они находятся вне социалистической политэкономической парадигмы. А если ставятся, то это симптом эрозии великой идеи и начала перехода от очередной стабильности к очередной депрессии.

Использование ресурсов определяется порядком управления, который есть совокупность множества подзаконных актов, нормативов и инструкций, регламентирующих накопление и хранение ресурсов, их освоение и порядок списания. Нарушения этих инструкций, нормативов и регламентов образуют состав преступления против порядка управления.

Национальная идея как обоснование необходимости мобилизации ресурсов

Основателями социализма была сформулирована идея «достижения всеобщего равенства», а их российские последователи в начале 20-х годов XX века изобрели принципиально новые схемы мобилизации ресурсов для ее реализации. Сочетание идеи всеобщего равенства и таких средств ее достижения, как полная национализация ресурсов с последующим их плановым распределением, составляет специфику советского социализма. Задача его построения в СССР, наверное, во многом упрощалась тем, что в стране во время Первой мировой войны уже были созданы мобилизационные институты. Если следовать концепции О.Бессоновой, то этническая «раздаточная» специфика организации производства, распределения, потребления и обмена в России тоже как нельзя более способствовала внедрению социалистических новаций.

Цель (национальная идея) необходима России для обретения государственной идентичности. Вечно молодая страна никак не может повзрослеть и стать такой же, как другие государства, не озабоченные юношескими проблемами. Когда-то это было самодержавие — православие — народность, потом коммунизм во всем мире, трансформировавшийся в строительство социализма в отдельно взятой стране. Масштаб цели должен оправдывать издержки мобилизации ресурсов, в том числе ограничение свобод граждан.

Всеобщее равенство, как показал наш опыт, не достижимо методами, разработанными Лениным, Сталиным и их соратниками и последователями. Однако основоположники создали самовоспроизводящую инфраструктуру принудительного уравнивания людей, которая настолько укоренилась в нашей жизни, что мы ее по большей части считаем само собой разумеющейся, естественной.

Сохранность этой инфраструктуры такова, что она может быть генерализована, как только появится мотивировка — идея, которую примут истосковавшиеся по порядку и недостижимому равенству граждане. Согласно критериям социальной справедливости, консолидация всех ресурсов государством и последующее их прямое распределение могут снова стать всеобщей государственной практикой. После идентификации идеи государство начнет «наводить порядок» в использовании ресурсов, механически уничтожая все, что мешает ему строить очередное светлое будущее, и превращая собственных граждан в ресурс для реализации этой идеи.

«Опросы общественного мнения показывают, что народ, который власть сейчас пытается подкормить «приоритетными национальными проектами», с надеждой ждет «наведения порядка» в распоряжении ресурсами. Народ ждет, когда же начнут сажать тех, кто прихватил общенародные ресурсы в бардаке перестройки и строительства капитализма».

Честные граждане не упускают случая, когда можно получить из кормушки помимо очереди или просто украсть немного. Однако они ненавидят отечественных капиталистов, сделавших хапок главным в своей деятельности. Так что негативные отношения нашего народа к социалистическим предпринимателям имеет ту же природу, что и перестроечная драка в очереди за водкой, спровоцированная теми, кто пролезает без очереди. В программы большинства современных политических партий в явной или скрытой форме входят требования грабить награбленное, национализировать ресурсы и установить одну общую очередь за ними.

Политически озабоченные граждане уже который год пытаются изобрести что-то идеологическое, ради чего необходимо будет

«прекратить бардак». Причем это нечто должно быть сравнимо по мобилизующей силе с системой идей раннего коммунизма.¹⁰ Пока у них рождаются только идеологические выкидыши, пародии на антиутопии и вариации на тему первого куплета «Варшавянки».¹¹ В процессе идеологической комбинаторики — скорее подсознательно — обкатываются разные варианты сочетания великих идей предыдущих циклов жизни ресурсного государства: «православия, самодержавия, народности» и «всеобщего равенства». Авторы явно не марксы, что не исключает возможности принятия государством какого-либо варианта их продукции как государственной идеологии.

Идет масштабный эксперимент, в ходе которого уже опробованы лозунги сохранения целостности страны, борьбы с терроризмом, фашизмом и экстремизмом, повышения уровня жизни, увеличения зарплат бюджетников, улучшения здоровья и повышения уровня образованности населения. Эти частные цели пока не стали элементами системы целеполагания и принятия решений по распределению ресурсов.

Ностальгически-социалистическое составление планов социально-экономического развития в разных формах, от архаичных, таких как программа «Сибирь», до более современных, таких как пакеты реформистских законопроектов от Центра стратегических разработок (ЦСР) при Минэкономике, как и 30 лет назад, стало источником средств существования гуманитарной интеллигенции.

Ситуация в какой-то степени парадоксальная: общей идеи еще нет, а планы по ее реализации уже строятся по образцу планов достижения всеобщего принудительного равенства.

Мне запомнился случайно подслушанный разговор (1970-е годы) инструкторов райкома КПСС, обменивавшихся мнениями по поводу визита на предприятие: «Ты не представляешь, настолько все плохо — рабочие не знают, под каким девизом они сегодня работают...». Сейчас не только рабочие, но и власть еще не знает, под каким девизом она работает и ради чего она хочет навести порядок в огромном ресурсном хозяйстве, частично ей уже не подвластном.

¹⁰ В. Найшуль. Букварь городской Руси. Семантический каркас русского общественно-политического языка: лекция от 26 января 2006 // Публичные лекции Полит.ру: http://www.polit.ru/lectures/2006/02/03/naishul_bubu.html

¹¹ М. Леонтьев, М. Юрьев, М. Хазин, А. Уткин. Крепость Россия. Прощание с либерализмом: сборник статей. М., 2005, а также — «Проект Россия» неизвестного автора (<http://www.projectrussia.ru/text>)... «Вихри враждебные реют над нами, злобные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут». Слова «Варшавянки», между прочим, принадлежат известному теоретику и практику социалистического строительства Г. М. Кржижановскому.

Совсем не исключено, что в ближайшем будущем нас ждет творческое переосмысление политекономии социализма. И далее, в ходе очередного этапа административной реформы, произойдет легализация обновленных практик социалистического строительства, а также возрождение государственных органов планирования, распределения и контроля за ценообразованием.

Ресурсные депрессии и репрессии как способ «наведения порядка» в использовании ресурсов

Политекономия социализма была и остается единственным позитивным систематизированным описанием такого государственного устройства, в котором, кроме прочего, циклы ослабления — укрепления государственности заменили собою обычные экономические циклы. Ведь социализм как теория возник в ответ на вызов, сформированный перед идеологами XIX века катастрофическими последствиями периодических экономических депрессий (кризисов перепроизводства), сопровождавших становление капитализма. В построенном социализме на смену кризисам перепроизводства пришли ресурсные кризисы дефицита. Опыт показывает, что ресурсное государство всегда находится в более или менее глубоком кризисе, имеющем форму перманентного дефицита ресурсов. Государство стремится выйти из кризисов, ужесточая контроль за распределением имеющихся ресурсов, а также мобилизуя новые. Однако оно практически никогда не достигает того, что хочет.¹² Кризисы — дефициты в ресурсном государстве чреватые, если не принимать репрессивных мер, ослаблением государства, иногда — его распадом. Происходит это (если абстрагироваться от высоконаучных объяснений «настоящих экономистов») из-за неэффективного использования консолидированных государством ресурсов. Подобная неэффективность в основном связана не с дефектами планирования, а с тем, что ресурсы используются нецелевым образом или просто расхищаются.

Единственным способом борьбы с нецелевым использованием и хищением ресурсов (кроме массовой пропаганды честного

¹² Я. Корнай. Дефицит. М., 1990.

труда и клеймения расхитителей) были и являются репрессии, которые есть действия государства, наказывающие за то, что ресурсы, предназначенные для одного дела, были израсходованы на другое дело или просто украдены.

Репрессии при советском социализме — примерно такой же инструмент управления ресурсной организацией государства, как политика учетной ставки при капитализме. «Посадки» могут быть массированными (массовые репрессии) или локальными, в зависимости от задач, которые ставятся государством. Важно, что в ресурсном государстве они всегда остаются способом регулирования ресурсных потоков, а не результатом применения закона, перед которым все равны.¹³ Ведь усилия государства направляются на такую организацию распределения ресурсов, которая исключала бы их воровство. А крадут их всегда, на то они и ресурсы. Государство вынуждено сажать и тех, кто распределил ресурсы так, что их украли, и тех, кто украл. Иного, как говорили перестроечные публицисты, не дано.

Спецификой советского социализма являлось то, что репрессии стали инструментом формирования «трудовых ресурсов». В ходе репрессий социалистическое государство использовало осужденных за нарушения порядка управления (а не закона) как «трудовые ресурсы»¹⁴ и обучало людей тому, как идеологически правильно пользоваться разнаряженными им ресурсами.

Совсем не случайно те времена, которые некоторые апологеты советского социализма считают расцветом государства, хронологически совпадают с наибольшим размахом государственных репрессий. Потоки мобилизованных государством ресурсов невозможно поддерживать, если периодически не вычищать тех, кто пытается их перенаправить в другие русла. С другой стороны, в периоды депрессий государственные репрессии исчезают как институт. На смену им приходят негосударственные репрессии, поскольку вместе

¹³ Термин правовое государство в принципе не относится к ресурсному государству, где традиционному праву нет места. Вместо права — социалистическая законность, основанная на политической целесообразности. Политическая практика отечественного социализма всегда представляет собой некую форму реализации репрессивной технологии, иногда относительно мягкой, как сейчас, иногда чрезвычайно жесткой. Д. Фельдман, например, отмечает, что в сталинском уголовном праве преступление есть нарушение порядка или режима, а не нарушение закона. Репрессии в социалистической законности были (и остаются) борьбой с нарушением установленного строителями социализма порядка, в первую очередь в использовании ресурсов (Д. Фельдман. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006).

¹⁴ Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.). Т. 1. Кемерово, 1994. См. также: М. Колеров. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3.

с ресурсами государство теряет репрессивные функции. Размах репрессий, проводимых новыми распорядителями ресурсов, в целом ничуть не меньше, чем те, которые осуществляет государство, когда полноправно рулит ресурсными потоками. Негосударственные репрессии интерпретируются как рост преступности. Может быть, в ресурсном государстве действует «закон сохранения репрессий», обеспечивающий поддержание ресурсных потоков.

Общеизвестно, что в СССР были хронические дефициты (продовольствия, ГСМ, товаров народного потребления и пр.), из которых социалистическое государство пыталось выходить неспецифическими для него методами, минимизируя репрессии или сочетая их с «экономическими реформами». Хрущевские и косыгинские реформы перемежались маломасштабными шелепинскими и андроповскими «посадками» директоров магазинов и заводов, несунгов и расхитителей социалистического имущества, а также борьбой с алкоголизмом как явлением, ухудшающим качество трудовых ресурсов.

Такие ревизионистские действия только загоняли проблемы концентрации и управления распределением ресурсов вглубь, расхолаживали аппарат и способствовали формированию «антисоветских» тенденций в общественном мнении. Ревизионизм руководства СССР, выразившийся в отходе от практики широкомасштабного репрессивного регулирования, привел в конечном счете к великой депрессии ресурсной организации: всеобщему дефициту ресурсов, перестройке и распаду СССР.

Перестройку и все, что за ней последовало, принято считать полным крахом советского социализма. Но никакого краха основ социализма (кроме пустой к концу 80-х годов идеологии) не было. Основы-то как раз остались.

Перестройка и последующий период были глубочайшей комплексной депрессией ресурсной организации СССР (потерей государством инструментов управления ресурсами), в результате которой страна распалась на фрагменты. Постсоветские государства сохранили социалистическую инфраструктуру, на базе которой сейчас идет восстановление управления ресурсными потоками, маскированное феноменами, делающими эти процессы сходными с рыночными.

Централизованные репрессии сейчас принимают ситуативные формы борьбы «с самодеятельными застройщиками», «за упорядочение использования торговых площадей», «защиты водоохраных

зон», не говоря уже о «посадках» «незаконных предпринимателей», «нарушителей налогового законодательства» и «политических экстремистов». Это происходит не по чьей-то злой воле, а само собой при решении конкретных проблем, возникающих в практике управления ресурсными потоками, когда оказывается, что никакими иными методами, кроме репрессивных, нельзя обеспечить ресурсами социально важное направление государственной работы. Недавно принятый закон о борьбе с экстремизмом, включающий в себя такую санкцию, как конфискация имущества, может стать мощным инструментом восстановления контроля государства за ресурсными потоками.

Прогрессивные экономисты и политики, защищаясь от непосредственно данной им в ощущениях реальности, изобрели термин «переходный период», в течение которого остатки социализма якобы соседствуют с ростками капитализма. Но никаких переходных периодов нет и не было. Советские институты науки, образования, здравоохранения, военной организации государства, административно-территориального деления, социальные группы бюджетников, сформированные для справедливого распределения ресурсов, сохранились практически неизменными и настоятельно требуют восстановления потоков к ним. Кроме того, полностью сохранилась система хранения ресурсов, так называемые мобилизационные мощности и государственные резервы.

Нынешние власти намерены удовлетворить запросы базовых институтов социалистического государства. Об этом свидетельствуют «приоритетные национальные проекты» по развитию образования, здравоохранения, сельского хозяйства, строительства доступного жилья, теперь еще и культуры. Национальные проекты формируются и исполняются как привычные по советским временам ресурсные мероприятия. Для идеологов национальных проектов численность граждан, уровень их образования и состояние здоровья, количество квадратных метров жилья на душу населения, количество мяса и молока на ту же душу представляют собой функции от ресурсообеспеченности. Ресурсов не хватает для удовлетворения нормативных потребностей, поэтому необходимо создать условия для их увеличения. Условия создаются тем, что бюджетные деньги (и другие ресурсы) распределяются по социально-учетным группам работников образования, здравоохранения, сельского хозяйства, строительства и культуры пропорционально значимости этих групп для государства.

Однако в отсутствие великой государственной идеи и госплана ресурсы распределяются нерационально. Социалистические начина-

ния пробуксовывают, а повышение зарплат «отдельным категориям работников» вызывает социальную напряженность, так как нарушает лежащие в подсознании членов социалистического общества принципы социальной справедливости.

Из «пиара» национальных проектов следует, что технология централизованного распределения ресурсов будет использоваться все более широко. Негативный опыт реализации нацпроектов не мешает расширению этой практики. Более того, многие трудности в реализации национальных проектов сейчас объясняются тем, что им мешает сложившаяся бюджетная и распределительная системы, то есть порядок управления ресурсами. Попытки улучшить эти системы и создать правовой эквивалент порядка управления в виде разного рода кодексов (Лесного, О недрах, Земельного, Водного, Гражданского, Бюджетного, Трудового и пр.) вряд ли приведут к позитивному результату.

Порядок управления variabelен, он складывается сообразно обстоятельствам в виде актуальных нормативных актов, в то время как другие акты не считаются для данных обстоятельств и времени актуальными. Кодификация порядка управления приведет к тому, что появится множество комментариев, дополнений и инструкций к Кодексам, которые и будут в себе воплощать порядок и которыми будут руководствоваться чиновники. Законы в ресурсной организации нужны для квалификации нарушений порядка управления, но сам порядок устанавливается не правовым образом. Достаточно зафиксировать нарушение порядка управления, а статью для определения наказания подберет орган «басманного правосудия».

Весьма вероятно, что именно для исполнения национальных проектов в конечном счете будет создано нечто, обеспечивающее настоящий порядок и аналогичное советским органам регулирования ресурсных потоков: Госплану, Госснабу и Госкомцену. Функциональный аналог советских по сути форм управления трудовыми ресурсами в виде силовой Федеральной миграционной службы с ее квотами на трудовых мигрантов уже создан.

Товары и деньги при ресурсной организации государства

Для того чтобы концентрировать ресурсы, распределять и контролировать их использование, нужно определить фрагменты государственного устройства, локализовать их и описать предназначение в терминах достижения великой цели и реализации национальной идеи. Определить объект в терминах социалистического мироустройства означает указать его границы. Власти, в случае появления неопределенности в принадлежности к фрагменту, принимали меры по однозначной идентификации.

Отношения между разграниченными фрагментами социалистической вселенной планировались в общем случае как потоки ресурсов между ними, а на практике принимали форму социалистических товарно-денежных отношений. Именно социалистических, так как социалистические деньги и товары виртуальны, они не более чем способ учета ресурсов, пересекающих границы между фрагментами государства.¹⁵ Социалистическая граница есть бесконечно тонкая черта, по обе ее стороны — ресурсы, которые только в момент нахождения на черте считаются товарами и деньгами. Товарно-денежное измерение ресурсов при социализме возникает лишь в моменты пересечения границ. В завершенном социализме, согласно политэкономии социализма, границы сами по себе отомрут, поэтому в товарно-денежном измерении ресурсов не будет необходимости.

Ресурсное государство напоминает соты: множество разграниченных ячеек, через границы которых идут ресурсные потоки. Ресурсы в моменты пересечения границ между ячейками превращаются в товары и деньги. Ячейки вложены друг в друга, и самая большая ячейка — государство. Границы между ячейками необходимы для организации учета потоков ресурсов и контроля за ними. Ведь для справедливого распределения необходимо разделить население, отрасли и регионы на группы — ячейки сообразно их важности для достижения великой цели. Именно деление порождает границы между фрагментами. И для пересечения границ необходима виртуальная трансформация ресурсов в товары и деньги.

¹⁵ В первые годы советской власти вопрос о полной ликвидации денег был очень актуален. Обсуждались разные формы замены денег, в том числе введение энергетических и физиологических единиц измерения труда. См.: Б. Д. Бруцкус. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта: <http://www.finbook.biz/description.html?prm=118>

Само установление границ нарушает социальную справедливость и вводит неравенство разграниченных фрагментов государственного устройства. Идеологическая задача государства в целом (в отличие от аппарата государства) — ликвидация границ, установление социалистического равенства всего и вся, соблюдение социальной справедливости. Задача государственного аппарата заключается в поддержании границ, так как они дают возможность вести учет и контроль, управлять потоками ресурсов и вести административный торг по их распределению и перераспределению. Собственно, это противоречие между целью и механизмом ее достижения, между государственной идеологией и аппаратом государства было основным при советском социализме.

Торги на административном рынке (перераспределение ресурсов) имеют целью восстановление социальной справедливости, нарушаемой границами между ячейками ресурсного государства, и определение коэффициентов трансформации ресурсов в товары, деньги и обратно. При решении этой задачи был сформирован массив повышающих и понижающих коэффициентов, разного рода зачетов, применяемых при пересчитывании потока ресурсов в товары, деньги и обратно в моменты пересечения ресурсами границ.

Каждый факт трансформации ресурсов в товары, деньги и обратно отслеживался органами социалистической государственной статистики и учета. Совокупность всех трансакций такого рода составляла товарный и финансовый баланс государства. При советской власти этот баланс с большей или меньшей строгостью наблюдался в текущем режиме и корректировался.

Вот пример ситуации, когда минимальной единицей учета при составлении балансов был отдельный социалистический труженик. Заработные платы рабочих, крестьян и служащих были фиксированы тарифной сеткой, к которой применялись разного рода коэффициенты. Объемы всех выплат каждой тарифной категории работников в ячейке — регионе планировались заранее и должны были — с точностью до вкладов в сберкассах — соответствовать ресурсному обеспечению, то есть товарам, которые люди могли купить в магазинах и на колхозных рынках. В том случае, если объем выплаченных денег превышал наличный объем товаров, разница покрывалась водкой, выбрасываемой в магазины к моментам выплат зарплат. Доля такого алкогольного регулирования в общем денежном обороте доходила до 30 процентов. Когда водка (и курево) стала дефицитом, СССР развалился.

Тем не менее, ресурсы всегда были в дефиците, такова их природа. Добывание ресурсов было основной деятельностью строителей социализма, поскольку то, что попадало в систему распределения, можно было считать товарами с большой натяжкой. Скорее, это был дефицит. Ресурсы «доставали по блату», зачастую не по необходимости, а для обозначения административно-рыночного статуса, самой возможности «достать».

Статусность распределения видна на примере распределения книжной продукции, когда делом чести успешного социалистического труженика было создание библиотеки из дефицитных изданий. Административный рынок перераспределения книг, складывавшийся вокруг директоров книжных баз и магазинов, был не менее значим, чем такой же рынок вокруг мясных магазинов и колхозных рынков.

Добытые ресурсы надо было освоить. Освоение ресурсов было не менее важной деятельностью, чем их доставание, так как неосвоенные ресурсы уменьшали шансы на их добычу на следующем цикле этой деятельности.

Эти инвариантные соотношения между нормативными (плановыми) потребностями в ресурсах и технологиями их удовлетворения возникали вокруг всех единиц социального учета: отраслей народного хозяйства и отдельных предприятий, регионов любого уровня — от сельсовета до республики в составе СССР. Само планирование создавало дефицит. Для уравнивания дефицитарности в разных регионах и отраслях возник институт перераспределения ресурсов. Социалистическая система действовала так, чтобы все были в равной степени бедными и ущемленными.

Административный торг шел чаще всего по согласованию типа и размера коэффициента, применимого к конкретному ресурсу при пересечении им конкретной границы. Например, завышение коэффициента жирности молока при сдаче его органам Госснаба (то есть при пересечении границы между производителем ресурса и государством) означало получение регионом дополнительных тонн сливочного масла в виде фондов этой же конторы на этот же ресурс. Поскольку видов ресурсов было много, коэффициентов еще больше, то административный торг был всеобъемлющим. Жизнь кипела.

Во времена полного господства распределения (таких как снабжение фрагментов государства во время войн) внутренние границы ликвидировались, социалистические товары и деньги исчезали, оставались одни ресурсы, распределяемые по фондам или карточкам. В эти времена был всеобщий дефицит ресурсов. И границы между фрагментами социалистического мироустройства расширялись, формируя социалистическое квазирыночное пространство во время депрессий: перестроек и либерализаций. Тогда дефициты уменьшались, наступали эпохи изобилия. Так, в 90-е годы фрагменты государства перестали быть объектами планирования, распределения и контроля. Ранее локальные социалистические законы товарно-денежного обращения, действовавшие только при пересечении границ, превратились в общие правила обращения с ресурсами. Ресурсы зависли на границах, трансформировались в товары

и деньги и остались ими, не переходя обратно в статус ресурсов. Так существенная часть ресурсов СССР за несколько лет превратилась в товары, сформировалось денежное обращение.

При этом в 90-е годы возникла иллюзия, что ресурсное государство одним махом пера чиновника, отменившего фондирование и контроль за ценообразованием, превратилось в нормальное рыночное — капиталистическое. Однако это не более чем иллюзия, обусловленная тем, что границы между фрагментами ресурсного государства материализовались и стали настолько широкими, что в них начали безудержно размножаться социалистические паразиты, которых прорабы перестройки и прочие прогрессивные экономисты приняли за адептов капитализма.

В результате «либеральных экономических реформ» получатели ресурсов, особенно базовые институты государства, такие как вооруженные силы, силовые структуры, образование, здравоохранение, регионы, социальные группы бюджетников, оказались одновременно и вне ублюдочного рынка, и вне распределения ресурсов. Они вынуждены были заниматься сначала перераспределением запасенных ранее ресурсов, а потом их расхищением. Это стало в 90-е годы основным занятием военных и работников оборонных отраслей, милиции, учителей, врачей и других бюджетников. Сдача в аренду предоставленных государством ресурсов в виде помещений, использование производственного оборудования для получения личных доходов, спекуляция статусными возможностями, прямая распродажа госресурсов были общераспространены и необходимы для выживания ячеек ресурсного государства. Границы между последними стали прозрачными для товаров и денег, но непроницаемыми для ресурсов. Оборона государства, здоровье населения и уровень его образования в результате превратились в, мягко говоря, проблемные зоны, так как все ресурсы, которыми располагали соответствующие фрагменты, направлялись в обмен на товары и деньги, то есть на выживание.

К концу века надежды на то, что всемогущий рынок своей невидимой рукой решит все проблемы, остались, наверное, только у эмигрантов, романтиков строительства капитализма в России. Для решения текущих задач необходимо было восстановить ресурсные потоки к фрагментам государственного устройства. И невидимая рука ресурсной организации государства начала «наводить порядок», восстанавливая систему мобилизации ресурсов и их распределения.

Виды ресурсов в современном ресурсном государстве

Наведение порядка началось в 1995–1997 годах с выстраивания финансовой системы как ресурсной. Усилиями «молодых реформаторов» главным ресурсом постперестроечного государства стали деньги, которые сейчас накапливаются, их распределение планируется, выделение фондируется, а контроль за денежной массой сейчас такой же жесткий, как контроль за стратегическими ресурсами при советской власти. Рубли бюджетополучателям распределяются вовсе не как капиталистические, настоящие деньги, а безвозвратно, как ресурс. Распределенные деньги надо осваивать. Неосвоение денег свидетельствует о плохой работе ресурсополучателя. Административная торговля при распределении денежных ресурсов между бюджетами разных уровней и между министерствами и ведомствами уже приобрела вполне легальную форму формирования и утверждения бюджета в представительских органах власти.

Настоящими деньгами рубли становятся только при «пересечении границ», в первую очередь после конвертации в «условную единицу», которая по сути безусловна, в отличие от рубля. Цена «деревянного» зависит от многочисленных внутренних границ, установленных государством и корпорациями, поэтому рубли невозможно инвестировать, не конвертируя их, хотя бы виртуально, в «у. е.». Бизнес в нашей стране во многом организован как конвертация финансовых ресурсов, полученных из бюджетов различных уровней, в «у. е.», с последующим вложением во что-нибудь — безразлично во что, хоть в футбольную команду — за рубежом.

Другой ресурс — природное сырье, особенно энергетическое. Переход нефти, газа, леса, рыбы и металлов из статуса государственных ресурсов под юрисдикцию корпораций и частных лиц составил содержание процессов приватизации. Это легализованное залоговыми аукционами расхищение сырья обеспечило ресурсами «новых русских». Обратный процесс — конвертация ранее расхищенного в государственные ресурсы — составляет содержание современного этапа развития нашего государства. Распоряжение ресурсами сейчас постепенно концентрируется в корпорациях, контролируемых государством. Политика этих субъектов новых социалистических процессов выстраивается, исходя уже не из интересов мифического бизнеса, а из интересов представителей государства — членов правлений и советов директоров корпораций.

Сейчас ресурсное обращение, в отличие от начала 90-х годов, подвержено разным формам государственного и корпоративного регулирования (через тарифы, пошлины, границы между регионами и отраслями, внутри корпораций — через институты внутренних цен и другие инструменты). В то же время попытки прямого государственного распределения энергетических ресурсов и «продуктов питания первой необходимости» пока еще не были удачными. Это естественно, системе еще далеко до советского прототипа, хотя в целом жизнь налаживается, пенсии и зарплаты бюджетникам выплачиваются вовремя.

Существенным отличием современной ресурсной организации государства от советской стало то, что конвертируемым ресурсом стал властный статус. Распределение статусов в системе государственного устройства (в отличие от СССР, где была громоздкая, но эффективная система номенклатуры и кадрового резерва) — самый, наверное, высокодоходный ресурсный бизнес. Другие ресурсы, в том числе и деньги, без статуса мало что значат. Должности государственной службы, а также должности в региональных и местных органах власти, политических партиях и организациях, представительских органах власти являются самым выгодным вложением ресурсов, сформированных при их расхищении-приватизации и потому подверженных «политическим рискам».

Количество богатых людей в органах власти, как и количество людей, ставших богатыми благодаря властному статусу, демонстрирует осознание активной частью населения того, что не подкрепленное статусом богатство столь же виртуально, как и рубли. Именно государственный статус — должность — дает доступ к распоряжению другими ресурсами, то есть к участию в собственно государственной жизни.

Управление ресурсами сейчас является основной, политически наиболее приемлемой и перспективной для постсоветской России формой организации социальной жизни. Оно базируется на новых, постсоциалистических ресурсах: деньгах, сырье и властных статусах.

Набирает силу тенденция придания статуса ресурсов все новым видам товаров. Идет скрытое соревнование между фрагментами постсоциалистического мироустройства за формирование собственной ресурсной базы. При этом ресурсами становятся даже зерно, мясо и продукция местной промышленности. Их вывоз за пределы границ некоторых регионов жестко регулируется уже сейчас. Фрагменты государства разграничиваются, и само это разграничение служит делу социалистического строительства.

Государство постепенно вводит границы, сужая зону свободного обращения товаров и денег. Недавние восстановление пограничных зон и запрет для высших должностных лиц иметь двойное гражданство тому примеры.

Их функции в нашей социальной системе таковы, потому что ресурсная организация государства никуда не делась. Она мимикрировала под рынок, но в рыночных формах ей тесно.

Самоуправление ресурсами: перераспределение и расхищение

Государственная машина СССР работала, особенно вне периодов полной мобилизации, не совсем так, как хотели бы ее идеологи. Прежде всего потому, что фрагменты ресурсного государства, когда интенсивность репрессий ослабевает, начинают формулировать собственные цели, лишь частично совпадающие с общегосударственными. И эти цели заключаются в распоряжении ресурсами, не суть важно какими.

Регионы, например, стремились получить более высокий статус в системе административно-территориального устройства, чтобы иметь в своем распоряжении такие же по объему ресурсы, какие есть у более значимых регионов, отрасли — увеличить свою долю ресурсов, получаемых в госплановских распределителях. Чиновники стремились нарастить административный ресурс. Простые граждане стремились увеличивать текущее потребление и/или делали запасы (соль, сахар, мыло, спички, консервы, в простейшем случае) на случай очередной чрезвычайной ситуации, которая у каждого поколения была своя — от голода и войны до тюрьмы и сумы.

Перераспределительные отношения в конечном счете превращают планирование, фондирование и контроль за распределением ресурсов в пустую форму, обеспечивающую, тем не менее, чиновников фондами для их нецелевого (не совпадающего с официальными планами) использования. Именно нецелевое использование ресурсов становится в определенные периоды жизни ресурсного государства основной целью его служащих. Причем важно, что институтом перераспределения выступает тот самый аппарат государства, который и должен обеспечивать распределение ресурсов для реализации великой идеи.

Необходимо различать нецелевое использование ресурсов и их расхищение. Нецелевое использование перенаправляет ресурсы в рамках иерархии государственных целей, в то время как расхищение ресурсов направляет ресурсы на достижение целей, не санкционированных государством.

Административный рынок — это прежде всего институт перераспределения ресурсов для их нецелевого использования. Такая система отношений между статусами не создается государством, но возникает спонтанно при взаимодействии структурных элементов государства для решения задач перераспределения ресурсов. Само по себе перераспределение ресурсов есть торговля между чиновниками, имеющими политический и административный ресурсы и соразмеряющими их при дележке всего и вся.

Во времена стабильности административный рынок организован очень жестко. Административная валюта унифицирована, а административная торговля ограничена априорно заданными условиями ее обращения, то есть директивными указаниями по организации потоков ресурсов. Результаты дележа ресурсов обычно пропорциональны административному весу, то есть положению договаривающихся в системе административно-рыночных статусов — государственных в эпохи стабильности, силовых — в эпохи депрессий-перестроек. Тот, у кого политический и административный ресурс больше, получает пропорционально большую часть иных ресурсов, в том числе и материальных. В ходе торговли административный вес чиновников меняется, административный ресурс накапливается/расходуется, административно-рыночный статус агента административного рынка увеличивается/уменьшается.

Стремление к увеличению административного ресурса и сохранению или повышению административно-рыночного статуса является основным инстинктом агентов административного рынка. Статус определяет количество ресурсов, которые может перераспределить его обладатель, в том числе и ресурсов для личного потребления, таких как непосредственный (не опосредованный деньгами) доступ к потребительским благам в виде продуктов питания, государственных дач и качественного медицинского обслуживания.

В советские времена шел административный торг между военными, промышленниками разных отраслей (оборонной «девяткой», производителями товаров народного потребления, аграриями) за приоритеты народно-хозяйственного развития, то есть за долю отрасли в общем объеме распределяемых ресурсов. Причем вес отрасли и административный вес ее руководителей определялся по объему потребляемых ресурсов — чем больше потребляет отрасль, тем больше ее значение для народного хозяйства ресурсного государства. Само соотношение между великой целью и способами ее достижения (распределением ресурсов между отраслями и территориями)

было предметом торга. Иногда для строительства социализма оказывалось значимым ресурсообеспечение обороны, иногда — сельского хозяйства, реже — науки и технологий. В рамках отрасли торг шел между главками, трестами и отдельными предприятиями. И отношения между предприятиями в рамках министерства также представляли собой своеобразную административную торговлю. Такой же торг шел между республиками, областями и краями, городами и районами — за долю ресурсов, получаемых из централизованных источников или отдаваемых в распоряжение государства.

Во времена депрессий высшие согласовательные органы власти вырождаются, так как общегосударственные цели теряют свою мобилизующую и оправдывающую жертвы силу. Власть при перераспределении ресурсов, как это произошло в 90-е годы, переходит на низшие уровни согласования, иногда в «терки» и «стрелки», где цели формулируются вполне «конкретно» всеми заинтересованными группировками, а мобилизация и перераспределение обеспечиваются физической силой.

Можно сказать, что административный рынок есть форма организации внутреннего пространства ресурсного государства. Вне таких государств административный рынок существует только в областях, где государство накапливает и распределяет ресурсы с нерыночными целями. Как только появляется вне рыночное распределение ресурсов, так возникает административный рынок как институт их перераспределения.

В принципе социалистические ресурсы можно превратить в товары и деньги очень просто: если их расхищать-красть, запасать вне нормативов для обмена или продажи, отчуждать силой, брать гоп-стопом. В политэкономическом смысле расхищение ресурсов является нелегитимным способом перераспределения ресурсов, обеспечивающим их личное или групповое потребление.

Социалистическое государство начало свою историю с того, что включило исконные российские воровство и бандитизм в систему построения коммунизма. Идеология силового отчуждения собственности и трансформации ее в государственные ресурсы реализовывалась разными камо, котовскими и голиковыми. Мировоззрение, основанное на насильственном отчуждении ценностей у государства и других граждан и превращении их в собственные ресурсы, присуще большинству членов нашего социалистического общества. Методы, которыми олигархи строили свои олигархаты, принципиально не отличаются от тех, которые использовались большевиками при создании СССР.

В стабильные времена, когда государство процветает, расхитители латентны, повсеместны, но разрозненны. Тем не менее, государство

борется с ними. Количество репрессированных за хозяйственные преступления при советском социализме было существенно больше количества политических зэков.¹⁶

После того как консолидирующая идея теряет мобилизующую силу, расхитители начинают собственное, внеслужебное по отношению к великой цели существование. Во времена глубоких депрессий, таких как в 20-е и 90-е годы, расхищение ресурсов общепринято и легализовано.

Расхитители ресурсов различаются по способу их отчуждения у государства. Есть расхитители — воры, распространенные в популяциях работников отраслей народного хозяйства. Есть расхитители, специализирующиеся на гоп-стопе, — бандиты, чаще всего они родом из силовых структур. И есть расхитители — удельные князья, специализирующиеся на присвоении номинально государственных ресурсов за счет их прикармливания, утаивания от государства.

Термины удельные князья — помещики, воры и бандиты — не несут в себе оценочного смысла. Эти определения не более чем констатация того, что люди с соответствующими менталитетом и способами действий — главные актеры нашей российской драмы в эпохи депрессий. Воровство по-русски — это вовсе не залезть в карман в трамвае. Это прежде всего образ мыслей и картина мира, и лишь потом способ деятельности. Ресурсы должны быть уведены: у государства или в пользу государства. Все, что плохо лежит, надо украсть, и не суть важно, можно ли украденное пристроить. Аппетит расхитителей, прихватывающих сейчас ресурсы, которые они явно не смогут освоить, показывает, что к экономике и политике такая активность имеет опосредованное отношение. Это инстинкт воровства, который в эпохи депрессии выходит на поверхность у деятелей административного рынка воровского типа. Функции бандитов вовсе не в том, чтобы гоп-стопнуть прохожего. Прежде всего, это способ мышления по понятиям социальной справедливости, основанный на жесткой социальной стратификации на лохов и пацанов, пролетариев и буржуев, как бы их ни называли в разные времена. И лишь потом — действия по силовому перераспределению ценностей в пользу правильных пацанов, пролетариев или социально-близких. Причем таким образом, чтобы соответствовать специфичным понятиям социальной справедливости. Нынешние силовики не очень отличаются по своей психологии от революционных матросов, бравших на гоп-стоп имущество зажиточных граждан российской империи. Мафиозность удельных княжеств не в том, что в них действует омерта, а в том, что местные противопоставляются не местным, которые отторгаются. Удельные князья живут с ресурса, который есть на контролируемой ими территории. Эти ресурсы они стараются оставить в своем распоряжении и приумножить, завышая нормативные потребности, играя с тарифами и коэффициентами конверсии ресурсов в товары и деньги, организуя левые потоки и пр. Причем в роли ресурса могут выступать

¹⁶ По данным В. Н. Земскова, на 1951 год в учреждениях ГУЛАГа было 579 918 заключенных по политическим статьям и 2 528 146 заключенных по общеуголовным, причем большая часть сидела за экономические преступления: <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/Z/Zemskov/Articles/ZEMSKOV.HTM>

любые изделия, производимые на предприятиях любой отрасли на этой территории. Эти отношения, которые так и хочется назвать криминальными, таковыми по сути не являются. Это не нарушение законов, скорее это применение порядка управления ресурсами в областях, которые само государство не включило в порядок управления или вывело из этого порядка.

Расхитители в периоды процветания государства скрыты в культуре, замаскированы в государстве. Однако при ослаблении государства ранее адекватные функционеры начинают воровать и торговать краденым, гоп-стопничать так, как будто всю предыдущую жизнь они готовились к этому. Ведь никакой иной функции, кроме как центрация и распределение ресурсов, они выполнять не могут по определению. Эти группы как целое и члены групп как индивиды бесцельно и безыдейно начинают растаскивать государственные ресурсы и накапливать свои — как только появляется такая возможность. Отчуждение ресурсов у государства становится для них самоцелью.

В стабильные времена, когда государство обеспечивает граждан положенной им по критериям социальной справедливости пайкой, а вместо политики есть унизи-тельные ритуалы, существование базовых криминальных отношений проявляется прежде всего в культуре. Издавна в стране сложились три культуры: удельно-княжеская, воровски-купеческая и аристократически-бандитская. Петр Первый так и величал купцов ворами. Купцы-воры бывают разных категорий-гильдий. Есть местечковые воры, а есть воры федерального масштаба. Воры — народ компанейский, платят налоги и взятки, причем налоги для них — форма отката, а государственный бюджет — форма общака. Да и в себя вкладываются — жизнь вокруг обустривают — чтобы дома были опрятные и украшенные, улицы чистые, питейные заведения приличные. Гуляют воры шумно, любят красиво выпить и закусить с размахом. Их песенная культура — шансон и бардовская патриотическая лирика. Издавна повелось, что центровые воры селились в Москве — воровской столице России.

Другая культура — бандитская, гоп-стопная, дворянско-аристократичная. Бандиты так же стратифицированы, как и воры. Низшие страты бандитов берут за охрану ларьков и пилят поселковые бюджеты. Высшим стратам бандитов откатывается из региональных и федерального бюджетов — за защиту государства и его интересов. Бандиты, в отличие от воров, озабочены судьбами страны, ее величием, культурой, военным превосходством. Налоги они не платят, общака не держат, госбюджет для них — прежде всего карман, из которого надо брать на обеспечение процветания страны и их организованных шаек. И гуляют они по-своему — любят высокое искусство, оперу с балетом, балерин, утонченных певичек и певцов с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Мариинка да Эрмитаж — их любимые места. Бандитская лирика — ДДТ и Ленинград. Бандиты пьют в меру, не брезгают кокаином, да и к новациям в этом деле относятся терпимо.

Петербург с его разукрашенными казармами — памятниками имперской архитектуры, проходными дворами между прямыми проспектами и линиями — бандитская столица. Питер — идеальное место для гоп-стопа во всех его видах: от простого

раздевания прохожих на улице до масштабных проектов вроде Петровских реформ, Великой Октябрьской социалистической революции и ваучерной приватизации. Революции по переделу ресурсов задумываются и начинаются в Питере, где технология гоп-стопа в крови жителей. Потом наступает очередь Москвы, в которой простираются технологии воровства.

В отличие от воровской и бандитской субкультур, удельные княжества описывались многократно, например, Салтыковым-Щедриным, а также следователями Генеральной прокуратуры СССР по особо важным делам — на примере Узбекского, Днепропетровского и многих других уголовных дел. Их специфические особенности — баня как институт, водка как основной напиток, разговоры типа «ты меня уважаешь?» как форма общения. Удельно-княжеские субкультуры уникальны как совокупность потребительских институтов. Каждый удельный князь имеет что-то свое: баньку, рыбалку, охоту, особую водку. Кроме того, он достает всеми доступными способами заморские продукты и товары, которые выставляются на стол (в широком смысле) перед статусными гостями. Сочетание своего и импортированного и составляет уникальность каждого удельного княжества. Вокруг удельного князя формируется особая среда из местных деятелей культуры, искусства, науки и образования, которая востребуется расхитителями ресурсов во времена, когда возникает необходимость в идеологическом обосновании расхищения.

Расхитители ресурсов обычно связаны между собой. Во времена процветания государства вертикальные межуровневые связи возникают в обычном состоянии только между разноименными «специалистами» по расхищению ресурсов. Воры одного, областного, например, уровня были связаны «снизу» с удельными князьями районного масштаба, а «сверху» их прикрывали силовики республиканского и союзного уровня.

КПСС очень строго следила за тем, чтобы не формировались межуровневые группировки, состоящие из одних воров, одних бандитов-силовики или — не дай бог — из удельных князей — партийных и советских бонз. Чем последние опасны, показал опыт Беловежских соглашений. Многие советские политические процессы были основаны на доказанных эпизодах формирования подобных межуровневых группировок. Нестабильные времена в значительной степени таковы, что при них возникают связи между одноименными расхитителями разных уровней, то есть формируются «преступные сообщества». Межуровневые образования, состоящие только из удельных князей, только из воров или только из бандитов, получают существенные конкурентные преимущества при распиле ресурсов. «Организованная преступность» — это союзы между разноуровневыми расхитителями государственных ресурсов.

В периоды депрессий расхитители ресурсов, ранее знавшие свое место и кравшие по чину, переходят к масштабной конвертации ресурсов в товары и деньги. Руководители регионов и региональные

элиты (удельные князья) прикарманивают ресурсы, отраслевики «крысят» и «щучат», в зависимости от ситуации. Силовики поначалу «свинчат» (по принципу: «сам не дам и другому не дам»), а потом переходят к обычному гоп-стопу, мотивируя свои действия тем, что ограбить вора вовсе не запахло. Следствием этого становится рост преступности, так как новые распорядители ресурсов гораздо более жестко, чем государство, преследуют за нарушение порядка их использования.

Мифологема социальной стабильности как форма легитимации расхищения ресурсов

Расхитители становятся главными героями эпох депрессий, растаскивая государственные ресурсы в свои личные или корпоративные зачатки. Они формируют уменьшенные подобия ресурсного государства — олигархаты, представляющие собой социалистическое государство в миниатюре, с его вертикалями и горизонталями власти, потоками ресурсов и со своими расхитителями: внутрикорпоративными ворами, бандитами и удельными князьями.

Олигархаты формируются по отраслевому и региональному принципу, наследуя советской структуре организации управления ресурсными потоками. Хорошо известны нефтегазовые, металлургические и химические олигархаты федерального масштаба. Субъекты федерации после изменения процедуры выборов губернаторов постепенно превращаются в региональные олигархаты. Практически в каждом административном районе и каждом городе есть свои олигархи, без санкции которых невозможно распределение ресурсов.

Однако есть неразрешимое противоречие между формами распоряжения ресурсами и складывающейся практикой огосударствления ресурсопользования. Обладающие финансовыми ресурсами, властные и распоряжающиеся сырьем граждане понимают, что если концентрация ресурсов государством продолжится, то они неизбежно подпадут под социалистические регулирующие мероприятия, чистки и репрессии. Прежде всего, потому, что их богатство сформировано на основе похищенных у государства ресурсов. Вопрос о том, как остаться богатыми и сохранить свободу, служит предметом бесконечных дискуссий внутри элиты нашего общества. Богатые всевозможными способами пытаются конвертировать часть своего богатства во властные статусы, в надежде на то,

что принадлежность к новой номенклатуре или членство в очередной «партии власти» защитит их от неизбежных репрессий. Но опыт показывает, что трансформировать уворованные ресурсы в собственность и капитал весьма непросто.

Вложения в отечественные землю и недвижимость уже не гарантируют сохранности ранее уведенных у государства ресурсов и не дают возможности для конверсии их в реальные капиталы. Активная часть населения осознала, что любое частное распоряжение ресурсами в нашем государстве эфемерно. Люди всеми способами выводят собранное в эпоху приватизации за границы государства. Как говорят, нет предпринимателя с капиталом более 10 миллионов «у.е.», который бы не обзавелся иностранным гражданством и недвижимостью за рубежом. Экспорт ресурсов, конвертированных в товары и деньги, из сел в города, из городов в столицы, из столиц за границы стал постоянным занятием социалистических предпринимателей. Перемещения присвоенных ресурсов, по мнению агентов этих процессов, уменьшают риски, связанные с возможностью новой их мобилизации государством.

Озабочены не только богатые и властные. Расхищенное у государства за 15 лет трансформировалось в ресурсы десятков миллионов людей, которые не намерены их отдавать обратно. И попытки «наведения порядка» в этой нише вызовут неизбежное сопротивление. Многим людям есть что терять. «Кулацкие восстания» начала 20-х годов показывают, что бывает в таких случаях.

Власть озабочена тем, чтобы обеспечить преемственность в распоряжении ресурсами. Отсутствие преемственности чревато для тех, кто «в процессе», известными всем рисками, в том числе потерей богатства и статуса. Власть стремится удерживать «социальную стабильность», то есть зафиксировать и легализовать финансовые ресурсы, распоряжение сырьем и принадлежность к властной группе за теми функционерами государства, которые «заслуживают доверия». «Дачная амнистия» и принятие закона о наследовании, отменяющего налоги при передаче собственности наследникам, — лишь часть шагов в этом направлении.

Возможно, уже близко время, когда государство скажет, что все нажитое не суть важно каким путем, остается у владельца, но впредь распределение ресурсов будет осуществляться справедливо, то есть так, как сочтет нужным государство. Для этого нужна идеологическая оболочка, позволившая бы социально близким людям легализовать их право распоряжаться присвоенными ресурсами и, в то же время, ввести основания для мобилизации ресурсов, которыми сейчас распоряжаются социально не близкие граждане.

Мировая экономика и ресурсная организация государства

В ходе депрессии, одним из этапов которой был распад СССР, в России сформировалась особая реальность, опосредующая отношения между ресурсной организацией государства, оставшейся в наследство от СССР, и мировой экономикой. Внешние наблюдатели не без оснований считают Россию страной с рыночной экономикой. И эта точка зрения отражает реальность — с точностью до конкретных инвестиционных действий, когда инвесторы сталкиваются с ресурсными стереотипами управления, административным рынком, сохранившимися распределительными механизмами социальной справедливости.

Упорядочение использования ресурсов в постсоветских государствах при желании можно сравнивать с процессами выхода из экономических депрессий в обычной экономике. Сходство позволяет наблюдателям с реформистским умонастроением говорить применительно к российской реальности о темпах экономического роста, ВВП и прочих экономических индикаторах. Однако похожесть остается похожестью. Нынешнее восстановление народного хозяйства вряд ли имеет полные аналоги в обычных экономиках. Подъем в ресурсной организации государственной жизни происходит в основном потому, что государство начало концентрировать ресурсы и планировать их распределение, а вовсе не благодаря мифической рыночной экономике.¹⁷ Не случайно внешние инвестиции в страну сейчас принимают формы, аналогичные тем, которые использовались в конце 20-х годов XX века, — импорт производств, технологий, идей по организации производства. Тогда СССР переживал подъем после масштабной депрессии ресурсной организации государства, приведшей, в частности, к распаду Российской империи. Похожий подъем сейчас происходит в России. Известно, чему предшествовал «экономический рост» в СССР в конце 20-х годов: 30-м годам с их коллективизацией, индустриализацией и репрессиями.

¹⁷ См., например: А.И. Рыков. Положение промышленности и меры к ее восстановлению (<http://www.magister.msk.ru/library/politica/rykov/rykoa012.htm>); Н.А. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны (<http://militera.lib.ru/h/vozneseenskyn/14.html>).

По большому счету, российский капитализм существует только в той ячейке ресурсного государства, в которой «у.е.» и рубль конвертируются без ограничений. Эта ячейка пока велика, хотя и уменьшается, что вызывает озабоченность прогрессивных экономистов.

Некоторые романтические политики намерены расширить зону капитализма и сделать рубль полностью конвертируемым, что прямо противоречит другим декларируемым задачам ресурсного государства. Если власть будет последовательна в упорядочении ресурсных потоков, то область свободной конвертации рубля в у. е. должна быть сужена до весьма ограниченных пределов.

Устройство корпоративных систем управления все больше приближается к устройству государственных организаций. По видимости капиталистические, производства самоорганизуются скорее как социалистические предприятия, чем традиционные бизнес-единицы. Сами отечественные «капиталисты» превратились в ресурсопользователей на доверии у государства и «руководителей главков» возрождающихся отраслей народного хозяйства России. Те из них, кто не оправдывает высокого доверия, жестоко расплачиваются. Государственное рейдерство стало основным способом ревизии результатов приватизации и во многом эквивалентно выборочным репрессиям.

В стране восстанавливается ресурсная организация государства — вопреки общераспространенному мнению о развитии рыночной экономики и практике отечественного бизнеса, никак не способного принять тот факт, что «поляна сужается». Бизнес пока не хочет верить очевидному. Он не намерен, несмотря на уже всем известные риски, отказываться от нормы в 80 % годовых при конвертации государственных ресурсов в товары и деньги. Он пытается сохраниться или приспособиться, вписываясь в государственное ресурсоустройство, иницируя все новые и новые «либеральные законы» и продавливая формирование особых зон (экономических, рекреационных, технопарков, научных центров и пр.), в которых государственные ресурсные интенции смягчены или нейтрализованы. Однако успех таких попыток маловероятен.

Застои и депрессии как фазы государственной жизни

Аналитически можно выделить такую последовательность фаз государственной жизни: 1) сильное государство — застой, 2) оттепель, перестройка, смута, распад государства, 3) восстановление народного хозяйства, 4) сильное государство.

Эти фазы в ресурсном отношении принципиально различаются. При застоях накопление ресурсов, их импорт и экспорт, а также распределение среди граждан монополизированы государством. Государство само определяет, кто, сколько и какие ресурсы имеет, как и где их хранит, как использует-потребляет. Материальные потоки полностью регулируются государством. Всякое внегосударственное движение ресурсов или обладание ими является противозаконным.

Государство при этом все усилия направляет на достижение какой-либо цели: победы в войне с идеологическим противником, строительства социализма, создания атомного или ракетного оружия и пр. Административный рынок унифицирован, пронизывает все отношения между элементами государственного устройства и людьми, компенсируя неизбежные просчеты планирования и распределения ресурсов. Перераспределение ресурсов общепринято, репрессии по отношению к тем, кто использует ресурсы нецелевым образом, мягки.

Периоды стабильности характеризуются также слитностью экономики с политикой и жестким ограничением политической самостоятельности населения. Расхитители ресурсов либо включены в административно-рыночные отношения (заняв позиции в торговле, распределении и разного рода силовых структурах), либо вытеснены на обочину жизни. Потенциальные удельные князья (в разные времена — главы администраций, губернаторы, секретари парткомитетов) знают свое место в административной иерархии и предпочитают не рыпаться — себе дороже.

Это не означает, что удельно-княжеская, воровская или бандитская суть не проявляется. Болтовня о самоопределении и этнокультурной специфике регионов, нецелевое расходование бюджетных средств и административные гоп-стопы составляют теневое содержание жизни и регионов, и столиц даже в стабильные времена.

Доступ к ресурсам у граждан возможен только сообразно их государственному статусу и нормативным, приписанным к статусу потребностям. Распределение ресурсов по социальным группам централизовано. Сами социальные группы описаны в терминах места в социальной системе, учета и контроля. Есть полновластные органы распределения ресурсных потоков. Все элементы народно-хозяйственного устройства, в том числе и люди, определены в терминах социального учета и ранжированы в порядке важности для достижения великой государственной цели. Руководители важнее, чем подчиненные, инженеры важнее рабочих, военные важнее гражданских чиновников.

В зависимости от важности члены групп обеспечиваются пайком, получают допуск к распределителям и прочим жизненным благам. Потребности сведены до нормативного минимума, выход за пределы нормативного потребления карается. Расхитители ресурсов вытеснены на периферию социалистической жизни, перераспределение ресурсов в быту ограничивается обменом утаенными или краденными мелочами. Дефициты пропагандируются как жертвы, необходимые для достижения великой цели.

В следующей фазе, при депрессиях, наоборот: увеличиваются политические и экономические свободы, но расхитители ресурсов при этом захватывают существенную часть социального пространства. Мобилизующий потенциал основной идеи уходит в никуда, сама идея становится темой политических анекдотов, государственная машина начинает работать в значительной степени бесцельно. Унитарность государства ослабевает, усиливается роль регионов, которые фрондируют и зажимают ресурсы. Роль государственного регулирования ресурсной политики уменьшается, дефициты воспринимаются населением как следствие плохой работы отдельных чиновников или государства в целом. Потребности людей выходят за пределы нормативных, определенных статусами, им хочется получать больше ресурсов. И они получают их, «нарушая порядок управления» и «противоправными методами», так как в рамках ресурсной организации государственной жизни легальных способов присвоения ресурсов нет. Начинается расхищение ресурсов. От времен стабильности остаются одни воспоминания о том, что «при Сталине был порядок».

Государство начинает борьбу с преступностью. При этом сама борьба с преступностью становится способом перераспределения ресурсов от одних отраслей к другим, от одних силовиков к другим. Так было в 1980-е годы, когда МВД и КГБ схлестнулись, деля доступ

к контролю за ресурсами. Репрессированных оказывается десятки и сотни тысяч, иногда миллионы, как после знаменитых сталинских указов «о колосках» 1934 и 1947 годов.

Если смутные времена не обрываются репрессиями, то депрессия усугубляется, государство фактически растворяется в отношениях между формально определенными статусами, которые остаются статусами только потому, что включены в административные рынки времен распада государственности, на которых происходит обмен ресурсами — бартер. Регионы отвязываются, унитарное государство по факту превращается в федерацию.

Граждане государства, в том числе и чиновники, уже не скрывают своих расхитительских амбиций, мотивируя их тем, что они снимают остроту всеобщего дефицита. В стране возникают условия для капитализации ресурсов, превращения их в экономические реальности, появляются деньги и товары, начинает складываться видимость рынка, возникают миражи бирж, банков, акционерного капитала, адаптированные к задачам расхищения ресурсов. Государство теряет монополию на репрессии. Новые распорядители ресурсов вместе с ресурсами получают право на репрессии против тех, кто нарушает порядок их распределения и использования. Репрессии приобретают форму отстрела нарушителей порядка управления ресурсами. Жизнь наполняется приключениями, вплоть до распада государства. Таковых было в течение XX века два. Оба раза государство — с большими издержками — вновь собиралось, ставило удельных князей на место, вытесняло одних расхитителей на социальную периферию, а других втягивало в себя, обеспечивая соответствующий статус. Ведь неизбежно в эпохи перемен наступает момент, когда вора́м нечего красть, бандитам некого грабить, а в удельных княжествах возникли свои сепаратисты и автономисты.

Для смутных времен характерен расцвет квазиполитической жизни. Великие идеи подвергаются публичному разоблачению и осмеянию в кампаниях типа «гласности», теряя остатки своего мобилизующего значения. Возникает множество якобы политических организаций с самоназваниями, извлеченными из всегда актуальной истории. Легализованные расхитители ресурсов охотно их финансируют.

Совместными усилиями расхитителей и их пособников из числа удельно-княжеской интеллигенции создается иллюзия политической жизни и «настоящей рыночной экономики». Эти муляжи необходимы прежде всего для того, чтобы конвертировать расхищенные ресурсы в товары и деньги. Кроме того, существование

квазирынка дает возможность расхитителям выйти из игры, то есть обосноваться за пределами государства. При этом удельные князья растаскивают страну на части. Распад выгоден, так как при нем возникает огромное количество бесхозных ресурсов.

В следующей фазе, когда невозможность мобилизации ресурсов оказывается критической, наступает период восстановления народного хозяйства. Сохранившийся госаппарат, уже в значительной степени лишенный возможности распоряжаться ресурсами, вынужден вступать в компромиссы с одними расхитителями ресурсов против других, чтобы получить возможность отмобилизовать ресурсы для локализации чрезвычайной ситуации. Подобное произошло в Чечне, когда удельно-княжеские амбиции советской автономии переросли в масштабную войну, для ведения которой катастрофически не хватало ресурсов.

Цена такого рода компромиссов всегда одна: ликвидация возрождающимися силовыми структурами государства одних расхитителей в пользу других и перераспределение ресурсов в пользу ситуативных союзников. Подобным образом преодолеваются автономистские и сепаратистские тенденции. Государство монополизирует право на репрессии и становится снова унитарным, как это произошло в 2000–2005 годах.

Государство при этом ведет поиск масштабной идеи-цели, которая бы позволила вновь вернуться к консолидированному состоянию, когда все ресурсы подконтрольны, расхитители ресурсов, получив государственный статус, ликвидированы как класс.

Государство — пока идет поиск идеи — приступает к переделу собственности и частичной национализации, в ходе которой ресурсы наиболее ушлых людей превращаются из товаров и денег в ресурсы других людей. Перераспределение мотивируется тем, что у новых собственников ресурсов более государственническое мышление, чем у прежних. Расхитители ресурсов получают в принципе ограниченную временем возможность конвертации накопленных ресурсов в статус в новой, еще только становящейся системе отношений управления ресурсами. Некоторые, самые умные успевают такой возможностью воспользоваться, другие попадают в жернова самовосстанавливающейся репрессивной системы. На этом цикл завершается, вновь возникает сильное государство, начинается очередной застой.

Сегодня можно сказать, что путь построения капитализма, начатый в 90-е годы XX века кандидатами наук — специалистами по политэкономии социализма, привел в тупик, к новому социализму. Страна, пережив депрессию — перестройку, вступила в начале XXI века в фазу ресурсного роста и начала новый этап специфически российского социалистического строительства. Как и в советские времена, социальная стабильность ресурсного государства основана на стремлении к справедливому распределению ресурсов. Однако новые критерии справедливости не выработаны и не признаны нашим обществом, так что любой результат распределения ресурсов представляется населению несправедливым и генерирует социальную напряженность. Кроме того, как показывает советский опыт, каждый распределяемый ресурс с высокой вероятностью может стать дефицитным. Дефицит денег как ресурса может перерасти в потерю контроля за инфляцией. Дефицит сырья как ресурса может стать из потенциального актуальным, если взятые государством экспортные и внутренние обязательства по энергетическому сырью не будут подкреплены ростом добычи и приростом запасов. И, наконец, статусность как ресурс может стать дефицитной в силу общего кризиса системы власти.

Каждый из этих кризисов дефицита в отдельности вряд ли представляет серьезную опасность для ресурсного государства в целом. Государство, в очередной раз ограбив население, преодолеет инфляцию и обеспечит, мобилизуя репрессиями «трудовые ресурсы», необходимый уровень добычи сырья. Государство сможет, если дефицит денег и сырья не выйдет за некие рамки, стабилизировать систему власти и сохранить определенность властных статусов даже в отсутствие государственной идеологии и при неизбежной неопределенности в процессе передачи власти в ходе выборов. Однако если дефициты синхронизируются и кризис власти совпадет по времени с сырьевым и финансовым кризисами, то можно ждать обрушения ресурсного государства, сравнимого с тем, что произошло с СССР в 1991 году. Очередной цикл нашей истории тогда завершится. Или начнется.

О политике и политической системе

Конфликт между собственно мировой экономической реальностью и реальностью ресурсной организации государственной жизни России не может быть разрешен стандартными методами. Стремление руководства страны вписаться в мировую экономику ограничивается ресурсными интенциями государственных институтов и социальных групп. Удовлетворение растущих appetитов осваивателей ресурсов вполне может «съесть» все преимущества централизованного управления ими. И после как всегда неожиданного стечения обстоятельств и синхронизации кризисов дефицита у власти уже не будет выбора в дилемме: полный возврат к ресурсной организации государства или столь же полный отказ от нее и переход к обычной экономике.

При любом выборе неизбежны огромные социальные и политические издержки, совершенно неприемлемые для власти. Укрепление государства, то есть его доминирование в сфере контроля за ресурсами, будет означать государственные репрессии расхитителей ресурсов. Либерализация будет означать расширение области специфической свободы для расхитителей ресурсов. Так что в принципе выбор крайних точек невелик. Это выбор между государственным террором и разгулом воровства, бандитизма и сепаратизма. Такой маятник — прямое следствие ресурсной организации государства. Сегодняшнее промежуточное состояние не может быть вечным. Ресурсное государство, с высокой вероятностью, либо будет разворовано, разграблено и растащено на части, либо превратится в ходе репрессий в какой-то аналог СССР.

Предположим, что искусство политики будет таково, что удастся сохранить промежуточное состояние, когда только часть ресурсов контролируется государством и есть большая зона того, что внешними наблюдателями считается рыночной экономикой. Вполне вероятно, что политически это может быть своеобразная диктатура, при которой чрезмерное расхищение ресурсов пресекается, в то же время государство не отягощено необходимостью достигать великие цели и потому не полностью централизует доступ к ресурсам, оставляя нашему весьма специфичному бизнесу возможность конвертировать их в товары и деньги. Однако это состояние заведомо нестабильное.

Сегодня содержание текущей политики определяется стремлением удержать ситуацию и как можно дальше оттянуть время, когда надо будет делать выбор. Может быть, если выбор будет в пользу укрепления государства, концентрация управления ресурсами на этот раз обойдется без массовых репрессий. Но это маловероятно, так как сопротивление новых хозяев жизни попыткам национализации будет весьма ожесточенным. Может быть, если выбор будет сделан в пользу очередной либерализации, страна ее переживет, и ее не растащат на фрагменты удельные князья.

Все может быть, но мне кажется, что в рамках существующей политической и идеологической системы нет выхода из этой колеи. У чиновников, политиков и обычных граждан, вопреки очевидному, сохраняется иллюзия существования экономики и традиционного государства, как и многие другие иллюзии. Сохраняется и иллюзия демократии, хотя всеобщие выборы манифестируют только интересы фрагментов социалистического мироустройства (в том числе и людей как членов социально-учетных групп) при распределении ресурсов.

Совокупность этих иллюзий делает невозможным рациональное обсуждение безвыходной ситуации. Поэтому доминируют иррациональные обсуждения, такие как навязшие в зубах экономические и политические дискуссии между сторонниками разных вариантов реализации социалистической идеи. Ясно, что никакие экономические новации не дают возможности уйти от ресурсной организации государства, так же как и действия в сегодняшнем политическом пространстве, образованном представителями жаждущих ресурсов групп.

Это значит, что независимо от того, какая политическая сила придет к власти в результате всеобщих выборов, она вынуждена будет отчуждать ресурсы для их последующего распределения. Колея, в которой находится страна, не имеет обычного выхода. Путь, по которому идут сейчас чиновники, занимающиеся укреплением государства и формированием политической системы, — чисто советский. «Суверенная демократия» означает хорошо знакомые по, казалось бы, ушедшим в прошлое временам «выборы сверху». Это значит, что чиновники сами выбирают тех граждан, которые могут представлять народ в законодательных собраниях и других органах власти. Способ формирования Общественной палаты продемонстрировал направления этой мысли: часть назначается, часть выбирается самими членами представительского органа, часть комплектуется по разнарядкам в регионах.

И это не по недомыслию, а потому, что, если руководствоваться предпочтениями народа, органы власти будут состоять только из демагогов и расхитителей ресурсов. И даже такие выборы сверху лучше, чем всеобщие и прямые.

В стране сейчас есть подспудное ощущение общего кризиса, хотя это ощущение трудно верифицировать. Вроде бы «все хорошо»: рублей много, сырья много, вертикаль власти крепка, как никогда, а темпы роста экономики почти китайские. Мне кажется, что ощущение кризиса имеет идеологическую природу. Наша страна идеоцентрична, и дефицит идей переживается не менее остро, чем дефицит сахара и соли. Дефицит идей не случаен. Он свидетельствует о том, что колея настолько глубока, что из нее уже ничего не видно. То, что рождается штатными идеологами власти и их столь же штатными оппонентами, носит служебный характер и не имеет ни объясняющей, ни мобилизующей силы. Спектр этих идей расположен между крайними точками нашего маятника: «всех посадить» и «всех освободить».

Идеи энергетической сверхдержавы и либеральной империи вряд ли смогут оправдать необходимые для консолидации жертвы. Ресурс, даже энергетический, не может быть самоцелью, он должен обслуживать иную, действительно великую цель. Стремление стать такими, как США или Китай, тривиально. Мобилизовать на борьбу с фашизмом или терроризмом вряд ли удастся, да и борьба сама по себе — без позитивного компонента — не привлекает граждан.

Чтобы начать обсуждать проблему выхода страны из ресурсного тупика, надо прежде всего подумать о среде, в которой можно было бы хоть что-то обсуждать. Такой средой не могут быть кухонные и ресторанные посиделки статусных интеллигентов. Это должна быть институализированная и участвующая в политике часть населения. Не исключаю, что для перехода от болтовни о несправедливом распределении ресурсов к собственно политическим и идеологическим дискуссиям необходимо отказаться от иллюзий демократии и всеобщего избирательного права и дать возможность тем гражданам, которые этого захотят, выделиться из социалистического народа в особую группу избирателей. Ведь совокупность сегодняшних сословий, объединенных только идеями справедливого распила ресурсов, не может считаться народом. Представительство интересов этих сословий не является демократией. Следовательно, руководствоваться мнениями народа и их выбранных представителей, если обсуждать возможность выхода из этого бесконечного тупика, по меньшей мере не рационально.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО

ОБЩЕСТВО И КОРРУПЦИЯ

Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2005 года № 590 «О создании федерального государственного учреждения Аппарат Общественной палаты Российской Федерации». Опубликовано 4 октября 2005 года.

«...На государственную финансовую поддержку некоммерческих организаций выделяется 500 млн. рублей...»

Поправка в закон о Федеральном бюджете, принятая ГД РФ 18 февраля 2006 года по инициативе фракции «Единая Россия».

«Мы считаем, что государство должно финансировать институты гражданского общества, — заявил журналистам вице-спикер Госдумы, член фракции «Единая Россия» Вячеслав Володин» <http://www.newsru.com/russia/18nov2005/polmilliarda.html>

«Сегодня масштабы и степень влияния коррупции на различные стороны жизнедеятельности государства и общества не только угрожают внутренней безопасности страны, но и наносят существенный ущерб авторитету России», — заявил Нургалиев в пятницу на расширенном заседании коллегии МВД.

<http://www.newsru.com/russia/17feb2006/corruption.html>

Гражданское общество как умозрение

При анализе нашего гражданского общества волей-неволей приходится решать разноуровневые задачи: применять понятийный аппарат стандартной теории к описанию далеких от «стандарта» отношений между людьми, институтами и организациями в российской социально-политической системе и одновременно фиксировать те феномены, которые или ускользают из описания в терминах этой теории, или описываются явно неадекватно.

Впервые термин «гражданское общество» был введен Гегелем в его работе «Философия права». Гегель предложил рассматривать общество как диалектическую совокупность отношений между семьей, гражданским обществом и государством.¹⁸

Согласно великому философу, гражданское общество есть множество граждан государства (членов семей), взаимодействующих между собой вне семьи с целью удовлетворения своих общих — своекорыстных — интересов. Государство, по Гегелю, есть синтез семьи и гражданского общества, а само гражданское общество возникло из диалектических противоречий между семьей и государством. И если следовать классику, то ничего такого уж хорошего в гражданском обществе нет, ведь в нем манифестируются корыстные интересы частных лиц, которым тесно в семье и в государстве.

Оценки гражданского общества со времен классика немецкой философии полярно изменились. В традициях политического либерализма — рассматривать государство как вселенское, но необходимое зло. Государство ограничивает свободу, плодит агрессию, бедность, социальные пороки, а гражданское общество выступает за свободу и против агрессии, оно заботится о бедных и обиженных судьбой. Гражданское общество противостоит государству: как добро противостоит злу, а свет — мраку.

...Государство, стремящееся подмять гражданское общество, уничтожает, прежде всего, основы личной независимости подданных — гражданские свободы, рынок

¹⁸ «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства, ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право» (Г. Гегель. Философия права. М., 1990. С. 228).

и частную собственность, закрепощает граждан вплоть до запрета им свободно выбирать места жительства и работы. Подавляются каналы обратной связи, всякое инакомыслие и с особой яростью — пресса и правозащитное движение. Подкупаются деньгами и синекурами депутаты, судьи теряют независимость и низводятся до уровня обыкновенных государственных служащих. Адвокатура превращается в подконтрольный государству (как правило, Министерству юстиции) орган; адвокаты, наряду с прочими чиновниками, присягают на верность государству. Разводятся ручные правозащитники. В крайнем своем выражении победа государства означает полную ликвидацию легального гражданского общества, прозябание его в теневых формах (черный рынок, например).

Гражданское общество самодостаточно; оно совокупность отношений людей как участников рынка товаров и услуг, собственников, партнеров, конкурентов, соседей, членов общественных объединений и движений, церквей, землячеств, кланов. Институты гражданского общества властью не обладают, однако оно стихийно порождает правовую систему, которая впоследствии получает наименование естественного права. Для гражданского общества характерна, по выражению Т. Гоббса, *bellum omnium contra omnes*. Конфликты разрешаются в рамках гражданского общества и его организованных элементов приватным образом, например, частными (третейскими) судьями. Поединки, воровские сходки и суды чести — также суть экзотические формы саморегуляции гражданского общества...¹⁹

Исходная неполнота и спекулятивность понятийного аппарата теории гражданского общества, которой руководствуются политики в своих усилиях по строительству гражданского общества, позволяет усомниться в адекватности ее основных различений, и, следовательно, в ее общей адекватности.

Гражданское общество и его организации

В политических дискуссиях о проблемах гражданского общества в России доминирует один мотив: в России слишком громоздкое государство и слишком слабое гражданское общество. Без сильного гражданского общества не может быть реально сильного государства. Поэтому для процветания страны надо укреплять государство, делать его более компактным (строить вертикали власти), а наше гражданское общество надо развивать по примеру тех стран, где гражданственность сильнее. В качестве образца для подражания

¹⁹ С. Пашин. Государство и гражданское общество: Игра в орлянку // Индекс / Досье на цензуру. 2001. № 16.

берутся европейско-американские гражданские общества, в которых есть сильные организации гражданского общества, решающие проблемы граждан силами самих граждан — без участия государства или с его минимальным участием.

Развитие гражданского общества в России, согласно доминирующему мнению, невозможно без импорта его образцов, осуществляемого сейчас иностранными организациями гражданского общества (в том числе оказывающими финансовую и организационную поддержку собственно российским организациям). Но в нашей стране, как считают политики и чиновники, нужно создавать отечественные образцы гражданских взаимодействий, в частности, как воплощений «национальной идеи» (которая много лет, оказывается, скрывалась от агрессивного государства в русском языке, в традициях или, по версии некоторых идеологов, в «зонах»). Для этого в бюджете России в 2006 году выделяется 500 миллионов рублей.

Однако почти двадцатилетний опыт импорта и самопальной разработки гражданско-правовых отношений показал, что организации гражданского общества, созданные государством или скопированные по внешнему образцу, выживают только при постоянной внешней же финансовой и организационной подпитке, не врастают в наш быт.

Но нельзя сказать, что их существование совсем уж никчемно. Наши граждане научились использовать отечественных и зарубежных благодетелей «конкретно», обращая разного рода помощь в свою пользу. Они прибегают перед иноземными и отечественными организациями гражданского общества — точно так же, как прибегают перед чиновниками, чтобы получить какое-то благо: грант, связи, юридическую помощь, которым может наделить благодетель. И естественно, они хотят, чтобы халявы было побольше, а выбор побогаче.

За последние десятилетия государством зарегистрированы сотни тысяч разного рода общественных организаций. Часть из них выполняет функции, которые нормативно приписываются организациям гражданского общества. Это организации, может быть, и не всегда зарегистрированные, но вполне действенные и не публичные. И уж совсем не политизированные. Другие организации, как замечено Л.Петровой,²⁰ даже возникнув самочинно, вскоре превращаются в аналоги подразделений государственного аппара-

²⁰ Л. Петрова. Ненаучные заметки о некоммерческих организациях // Пчела (СПб.). 2005. №44.

рата с их формальной иерархией, выполняющие прописанные государством функции. Если организация гражданского общества учреждается государством, ее превращение в госконттору происходит в момент организации, что усиливает сетования организаторов на слабость гражданского общества и стимулирует еще большие государственные усилия по его развитию. Заклинания на тему необходимости и важности развития гражданского общества стали общим местом публичных выступлений политиков и чиновников.

Показательно, что российский бизнес практически незаметен в финансировании имитационных организаций гражданского общества, хотя в частном порядке предприниматели весьма охотно и обильно финансируют разного рода гражданские инициативы. Они научены опытом Ходорковского, следовавшего импортным стереотипам не только в организации своего бизнеса, но и в выстраивании отношений с организациями гражданского общества.

Тем не менее, нефункциональность построенных по внешнему образцу организаций гражданского общества вовсе не равносильна отсутствию собственно гражданского общества. Вполне вероятно, что наше гражданское общество так устроено, что отторгает чужеродные организационные формы.

Российский феномен — неорганизованное гражданское общество

Если следовать Гегелю, не может быть современного общества без семьи, гражданского общества и государства. Если есть государство и семья, то есть и гражданское общество. В России гражданское общество, несомненно, есть. Однако оно принципиально отличается от тех, к которым привыкли исследователи. Оно неорганизовано, хотя всепроникающе и богато возможностями для решения многих проблем, которые, если следовать логике отечественных теоретиков, порождает государство своим гражданам и их семьям.

Сильное и совсем не стремящееся организовываться гражданское общество — специфика России. Его существование (как повсе-

дневных отношений землячества, соседства, родства, этнической и конфессиональной принадлежности и т. п.) столь же несомненно для автохтонов, как существование специфической российской семьи и российского государства. Его феномены иногда демонстративны и грубы, чаще привычны и незаметны. Однако наши граждане, особенно причастные к импорту общественно-гражданских стереотипов и к бюджетным НГО, не хотят называть обыденные и общераспространенные отношения гражданским обществом, язык не поворачивается. Ведь гражданское общество — это что-то такое большое и светлое, чего «у нас» нет, но есть «у них».

Солидные люди прогрессистских воззрений предпочитают не замечать обычные проявления гражданственности, считая их неприличными, негражданскими — в привычном для них значении этого понятия. Государство, по их мнению, несет ответственность за такие массовые модели поведения, как «откос» от призыва в армию, «крышевание», уход от налогов, разного масштаба воровство («нецелевое использование») бюджетных денег и госимущества, готовность брать и давать взятки. Они внутренне не могут принять, что именно в «негативе» манифестируются наши отечественные общественно-гражданские отношения.

Я считаю, что «негатив», о государственной этиологии которого не устают рассуждать сторонники имитационного развития гражданского общества, есть результат взаимодействия неорганизованного (и не нуждающегося в организациях) гражданского общества и несуразно организованного государства. Чем активнее государство строит свои вертикали власти (и НГО, вписанные в эти вертикали), тем большие ресурсы вкладывают члены гражданского общества (которые могут быть сами высокопоставленными чиновниками) в нейтрализацию устремлений государства.

Неорганизованное гражданское общество — оборотная сторона всеорганизующего государства. Причем зависимость гражданского общества от государства критическая, как и зависимость государства от гражданского общества. Никакая государственная инициатива не реализуется, если при этом не учтены частные, общественно-гражданские интересы чиновников. Свидетельство того — неудача десятков реформ в постсоветской России. И мало какой частный интерес может быть удовлетворен без участия государства: без пролоббированного закона, взятки чиновнику, «отката» силовикам или «распила» бюджета между бизнесами структур, в которые в той или иной форме входят министры, депутаты и генералы — как члены гражданского общества.

Отношения между государством и гражданским обществом примерно такие же, как отношения между изображениями на аверсе и реверсе монеты. Если смотреть с одной стороны монеты, например с той, на которой написано «государство», то гражданского общества не разглядишь, видна будет только коррупция. Если смотреть со стороны гражданского общества, то не видно государства, оно распадается на плохих и хороших чиновников, с помощью которых можно — или нельзя — «решать проблемы». Государство и гражданское общество находятся в разных социальных пространствах. И люди, преследуя свои цели, используют государство как средство для их достижения, быстро научаясь «наваривать» на государственных ограничениях на деятельность.

Но «физически» гражданское общество и государство реализованы в нашей стране в одном материале и не могут быть разделены — в рамках применяемой теории. Это признак того, что используемая политиками теория, несмотря на то что ее базовые объекты (государство и гражданское общество) вроде уже стали самой реальностью, не вполне адекватна.

Институты гражданского общества

Российское гражданское общество по эффективности в решении проблем своих членов, степени ситуативной связности между гражданами и типам решаемых задач гораздо мощнее (если так можно говорить), чем организованные гражданские общества.

Такая эффективность достигается за счет уникальной институализации. Существуют общераспространенные и устойчивые институты гражданского общества: домашнее или ресторанное застолье, баня с девочками и без, охота и рыбалка, самодеятельные клубы (такие как игра в футбол по субботам у чиновников мэрии Москвы), совместный отдых, дачные сообщества. В последнее десятилетие весьма значимым институтом гражданского общества стало конфессиональное общение. В ходе коммунальной революции формируется институт «жильцов одного дома». В российской провинции роль институтов гражданского общества иногда выполняют офисы политических партий, если через эти партии можно «решать проблемы». И сами политические партии являются скорее элементами нашего гражданского общества, нежели политическими организациями.

Совершая религиозные обряды, выпивая, развлекаясь, постреливая по птичкам, парясь и сплетничая о том, кто, сколько и за что берет, люди ищут, и, как правило, находят, «выходы» на чиновников, которые помогут им минимизировать налоги, выиграть тендер, получить землю под застройку, устроить родственника в «элитную» клинику, освободить сына от призыва в армию, пристроить дочь в приличный вуз, вернуть изъятые ГАИ документы на машину, закрыть уголовное дело на партнера или организовать наезд силовиков на конкурента. В каждом поселении — за исключением выморочных, где не представлено государство, — есть свой приход, своя баня, свой ресторан, на худой конец клуб, в которых собираются люди, решая проблемы удовлетворения своих потребностей за счет материальных и административных ресурсов, номинально принадлежащих государству.

Институализированное, но неорганизованное — и не поддающееся организации — гражданское общество существует везде, где есть люди. В то же время гражданское общество — нигде, так как нельзя в каждом конкретном случае указать на устойчивую организацию, в которой гражданские отношения реализуются. Оно бесформенно. На виду только по видимости нейтральные институты застоля, бани, ресторана и «элитного отдыха», покушаться на которые решался только Ю. В. Андропов — единственный, наверное, государственный деятель, понимавший смысл советских гражданских ритуалов и утверждавший, что мы не знаем страны, в которой живем. И если господин Володин, цитируемый в начале статьи, не оговорился и не путает организации гражданского общества с его институтами, то полмиллиарда бюджетных рублей будут потрачены целевым образом: на обустройство бань, клубов и ресторанное застолье.

При попытках внешней, исходящей от государства организации суть гражданских отношений исчезает, жизнь уходит, остается нефункциональная форма: захиревший приход, холодная баня, пустой ресторан, запущенный клуб. Институты гражданского общества при этом перемещаются в другие места, в другие бани и рестораны или в подвалы и котельные.

При внешней бесструктурности наше гражданское общество стратифицировано неявной, но жесткой иерархией его институтов: во многие клубы-бани не пускают с улицы, туда можно попасть только по знакомству-рекомендации. Туда приглашают, и туда стремятся люди, желающие «решить проблему». Сообщество людей одного прихода, одного ресторана, бани — бассейна — спортивного клуба, наконец, одной квартиры или дачи, хозяин которой публично ак-

тивен, достаточно закрыто, чтобы создать для тех, кто туда не попадает, ощущение ущербности и желания попасть. Или, наоборот, ощущение выделенности — превосходства у допущенных.

При этом сам факт существования института с ограниченным доступом служит основанием для гипотез о том, что именно там, в этом ресторане, этой бане или клубе, собирается какая-то мафия, которая и управляет государством. Совокупность мифов о мафиях и их локализациях составляет содержание слухов и сплетен — общественно-го мнения нашего гражданского общества.

Гражданское общество и коррупция

Существует универсальное объяснение хронических неудач в реформировании чего бы то ни было в нашей стране: коррупция. Коррупция — это совокупность инструментов, выработанных за время существования российского реформаторства, позволяющая гражданам, по крайней мере со времен Петра Великого, нейтрализовывать реформаторские новации государства. Именно коррупция позволяет людям жить в условиях, когда государство пытается разными способами загнать их в рамки, определяемые из самых благих, но абстрактных (в гегелевском понимании абстракции) предположений и намерений.

Наша коррупция — это система действий членов гражданского общества, позволяющая им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилами и законам и использующая чиновников — работников государственного аппарата для удовлетворения своих потребностей. И симметрично: использование государственных людьми служебных возможностей для удовлетворения потребностей: своих, своих родственников, своих знакомых, знакомых знакомых, рекомендованных знакомыми, и пр. Ведь государственные люди — такие же члены гражданского общества, как и простые граждане, и в полной мере используют его возможности для достижения своих целей.

Государство пытается нейтрализовать коррупцию. Для этого оно создает разного рода организации, которые должны с ней бороться, в том числе и организации гражданского общества. Однако эти

организации, если через них можно «решать проблемы», очень быстро превращаются в конторы, которые плодят коррупцию. А если проблемы в них решать нельзя, то и значение этих организаций нулевое. Борясь с коррупцией, государство, по сути, борется с гражданским обществом. И, наоборот, избирательно поддерживая организации гражданского общества, государство плодит коррупцию.

Формы проявления гражданственности меняются по мере изменения государства. Каждому историческому этапу развития государства соответствует свой тип гражданственности. И своя форма коррупции. В феноменах коррупции — с моей точки зрения — проявляется устройство нашего гражданского общества.

Борьба с коррупцией как борьба с гражданским обществом

Каждое новое поколение российских реформаторов ставит своей целью процветание государства, его всестороннее развитие и усиление присутствия в мире. Мечта большинства реформаторов — воссоздание Третьего Рима, новой «либеральной империи» — чтобы иностранцы относились с уважением, а лучше бы боялись. И незадача — каждый раз достижению великой цели мешают в основном собственные граждане, которые, даже будучи построены в колонны, находят способы обратить ресурсы, предназначенные для больших государственных дел, в маленькие, но свои собственные, частные блага.

Строительство государства у нас в стране чаще всего сопровождается борьбой с гражданским обществом. Репрессии бывают разные, иногда масштабные, как в 20–40-е годы XX века, чаще какие-то кампании: борьба с несунами, расхитителями госимущества, взяточниками, за возврат НДС при экспортно-импортных операциях, с «оборотнями в погонах» и без погон и т. п. Государство формирует в ходе оперативно-следственных мероприятий группы из людей, связанных по жизни чаще всего ситуативно и сходных в том, что они занимаются чем-то, в данный политический момент негодным государству. Дела по таким «группам» имеют свойство разваливаться в суде. Естественно, если суд не «басманный».

Сталинские репрессии, к примеру, были направлены на ликвидацию сословий имперской России, противодействовавших строительству социализма. В публичном поле эти репрессии были представлены как тщательно отрепетированные процессы над разного рода антипартийными блоками. Эти процессы завершали ликвидацию инфраструктуры имперского гражданского общества, еще существовавшей тогда в СССР.

После сталинской децимации «с чистого листа» была создана полностью огосударствленная система общественных организаций советского общества с его институтами партийной социализации и множеством «общественных организаций»: комсомольских, пионерских, профсоюзных, профессиональных. А собственно гражданское общество было атомизировано. Поиск групп с общими гражданскими интересами (а чаще организация таких групп агентурными методами) и демонстративная их ликвидация были одной из задач органов государственной безопасности СССР.

Трансформации советского режима, обычно сопряженные с персональными изменениями на вершине партийной иерархии, сопровождались репрессиями, направленными на ликвидацию «антипартийных» групп, классов, сословий. В постсоветской России мало что изменилось. Гонения на членов «семьи» и «олигархов» сопровождали последнее изменение власти в России. Причем принадлежность к этим группам определялась из соображений политической целесообразности. А разговоры о том, что «питерских будут гнать», — лейтмотив бытовых бесед на тему «Что же будет в стране после выборов 2008 года».

Государство не может интерпретировать гражданскую активность людей как адекватную своим задачам. Оно ввело в корпус права такие понятия, как теневая экономика и организованная преступность, и преследует своих граждан за действия, которые самими гражданами рассматриваются как вполне естественные, привычные и необходимые для жизни или для выживания. Ведь если верить обитателям российских «зон», большая их часть сидит «ни за что».

Граждане, в свою очередь, интерпретируют активность государства как репрессии, направленные на то, чтобы ограничить их в достижении своих целей, загнать их общественно-гражданскую активность в предписанные государством рамки.

Постоянная государственная забота о благе народа не позволяет людям жить так, как они хотят, как привыкли жить при предыдущих правителях, научившись методом проб и ошибок нейтрализовать

благие намерения очередного поколения реформаторов. В результате граждане не очень довольны властью-государством, а государство недовольно людьми, которые занимаются «черт знает чем», коррумпируя чиновников, а не выполняют очередную программу переустройства всего и вся.

Можно сказать, что государство и гражданское общество пересекаются в области, описываемой Уголовным кодексом, так как практически любую гражданскую активность можно при желании следователей интерпретировать как нарушение законов и превратить в эпизод уголовного дела. Навыками конструирования уголовных дел из произвольных фрагментов нашего российского бытия оперативники и следователи силовых структур овладевают в профессионально младенческом возрасте. Ведь в самом обычном и повседневном взаимодействии гражданина и нашего государства можно изыскать состав преступления: по указанию начальства или просто для улучшения отчетности. «Эпоха компромата» конца XX века, когда конструирование уголовных дел на основе газетных публикаций и телевизионных репортажей стало элементом публичной политики, продемонстрировала высочайшую согласованность нашего государства и нашего гражданского общества в области изобретения мафий, оргпреступных группировок, заговоров и прочих мифических сущностей.

Государство борется с коррупцией — гражданским обществом, вводя дополнительные ограничения на деятельность и связи чиновников, повышая им должностные оклады, давая льготы. Однако никакое повышение окладов не может нейтрализовать «чисто человеческие» просьбы порадовать родственнику, сокурснику, сослуживцу, односельчанину или единовеерцу, особенно если эти просьбы сопровождаются «барашком в бумажке». Уголовное преследование взяточников и посредников, борьба с так называемой «организованной преступностью в сфере экономики» и прочее ведут, как показывает плохо освоенный политиками и законодателями опыт, только к увеличению тюремного населения, а также размеров взяток, «откатов» и «распилов».²¹

Такие отношения между гражданским обществом и государством делают крайне проблематичным существование собственных ор-

²¹ Если верить оценкам демографов, цена социалистического и капиталистического реформаторства весьма велика — сотни миллионов потерянных и несостоявшихся жизней (Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006). Кроме того, диктуемые институциональной организацией гражданского общества формы поведения (перманентная алкоголизация, легализованное блядство и пр.) весьма негативно сказались на семье и социализации детей.

ганизаций гражданского общества. Когда государство ослаблено после провала очередной перестройки или ускорения, возникает множество разного рода имитационных организаций, в основном на импортные деньги. Когда государство укрепляется, оно предпринимает усилия по ограничению деятельности таких организаций, а в пределе — для их ликвидации. Ведь деятельность этих организаций — в том случае, если их возникновение не инспирировано государством, — расценивается чиновниками как потенциально противоправная и антигосударственная.

Члену нашего гражданского общества гораздо эффективнее и безопаснее действовать в одиночку, используя связи и знакомства, чем оказаться в составе «организованной преступной группировки», сфабрикованной фантазией и волей следователя или его начальников. Попробуй потом суду докажи, что это была организация гражданского общества, а не банда. Общеизвестно, что индивидуально с чиновниками, ментами и прокурорскими почти всегда «можно договориться», если ты нормальный член нашего гражданского общества. Так что организациям этого общества просто нет места в нашем сегодняшнем мироустройстве, особенно на этапе укрепления государства.

Изучение коррупции как изучение гражданского общества

Существующие методы изучения коррупции исходят из ее понимания как функции «плохого государственного устройства» и основаны по большей части на опросах чиновников и населения. Обычно описание коррупции сводится к выяснению того, кто, где, сколько и в каких формах берет. Однако такое знание мало что дает для понимания места коррупции в жизни страны и ее роли в социальной динамике.

Описание гражданского общества — это описание способов преодоления государственных ограничений — запретов, не позволяющих получить то, что людям надо, привычным образом. Ведь обходные пути, блат, институт знакомств и связей, кумовство, корпоративность, землячества описаны в основном публицистически

или криминологически, но не социологически.²² Не описаны институты гражданского общества: рестораны и бани, клубы и приходы, гаражные сообщества и товарищества собственников жилья, а также многое другое, существование чего и представить, живя в Москве, невозможно.

Особый интерес, с моей точки зрения, представляет изучение экономики и финансовой системы отечественного гражданского общества. Не так давно общественно-гражданской альтернативой рублю была «бутылка». В постсоветском гражданском обществе альтернативой рублю стала «у.е.». Отношения между рублем и «у.е.» (в чем люди хранят сбережения — рублях или долларах, какие сделки осуществляют в рублях и в «у.е.» и т.п.) можно рассматривать как индикатор степени проникновения общественно-гражданских отношений в государство. Об уровне коррупции, например, можно судить хотя бы по тому, как часто чиновники в своих публичных выступлениях и официальных текстах используют для оценки состояния отечественной экономики «у.е.».

Есть, с моей точки зрения, параллелизм между импортом реформистских идей и импортом исследовательских методов, концепций и интерпретационных схем. Заимствование очередной реформаторской идеи — чаще всего по инициативе какой-нибудь богатой международной организации вроде МВФ и Мирового банка, поддержанной правительственными реформаторами, — и попытка ее реализовать заканчиваются обычно «распилем» соответствующего бюджета. Параллельно с идеей заимствуются и теории, в рамках которых оценивается ход реформирования, и формируется пул соответствующих экспертов. Реформаторская идея вместе со статусными реформаторами и бюджетными деньгами рано или поздно уходит в небытие, а импортная теория остается — вместе с экспертами-специалистами по ней, не имеющими в нашей стране предмета. Большая часть политологического и социологического знания состоит из таких заимствованных фрагментов теорий, отрубленных, но еще шевелящихся хвостов неудачных экспериментов по построению социализма и капитализма.

²² М. Соколовым введено, а А. Приваловым активно используется понятие взяткоемкости как суммарной характеристики барьеров, которые надо будет преодолеть после вступления закона в действие для достижения какой-то экономической цели. Это понятие вполне операционализируемо и может быть использовано для исследования реформ и законодательства, а также способов, которые вырабатываются в обыденном поведении членов гражданского общества для нейтрализации реформистских устремлений (http://www.globalrus.ru/all_actions/moscow/134429/, <http://www.bankr.ru/doc/462/>).

Вместе с идеей создания в России местного самоуправления, например, были заимствованы и теории местного самоуправления, которые не имеют никакого отношения к той реальности, которая сейчас возникает в ходе муниципальной революции.

Сформировано уже четвертое, наверное, поколение российских социологов и политологов, специалистов по предметам несостоявшихся реформ. Их научные труды нужны, вероятно, только для демонстрации того, что «у нас» все не так, как «у них», все плохо: и наши бедные беднее их бедных, и наши богатые — просто бандиты и «новые русские», и политические партии у нас не тем концом делаются, и экономика совсем даже не экономика, а недоразумение. И вообще, к востоку от Брянска настоящей жизни — такой, как в местах, откуда импортированы теории, — нет. Импорт исследовательских онтологий стандартов и техник исследования, воспроизводство на отечественном материале интерпретационных схем, разработанных какими-нибудь «экспертами Мирового банка», плодит социологический шум, такой как результаты политически акцентуированных исследований коррупции.

Мне кажется, что без ревизии базовых различий модных у нас социологических и политических теорий, без внятного и бесстрастного описаний реалий нашей обычной жизни в терминах, адекватных этой жизни, мы не сможем выйти из нынешней, мягко говоря, тоскливой ситуации. Невозможно сформулировать мало-мальски операционализируемую задачу по исследованию нашей социальной системы, если нерелексивно относиться к базовым различиям заимствованных теорий и интерпретации нашей жизни в терминах этих теорий. Особенно если эти теории принимаются политиками как основание для очередной реформаторской эпопеи по типу «сделаем, как за границей».

Больше всего проблем возникает у граждан нашей страны, когда государство начинает заботиться о благе народа в целом и безуспешно пытается обеспечить народ тем, что государство в данный момент считает ему нужным. Потребности граждан или больше, чем положено им государством, или другие, принципиально неудовлетворимые сложившейся системой государственного патернализма. Граждане государства, конечно, берут медицинскую, образовательную или собесовскую «халяву», привыкают к ней и воспринимают ее раздачу как обязанность государства. Они хотят, чтобы разного рода льгот, бесплатного образования и медицины было больше и чтобы качество их было лучше.

С другой стороны, общеизвестно, что наша медицина не лечит, школы и вузы дают диплом, а не образование и что на пенсию не проживешь. И небезосновательно кажется, что по-другому в предвидимом будущем уже и не может быть. Поэтому члены нашего гражданского общества заботятся о себе сами и методом проб и ошибок формируют стратегии поведения, позволяющие перенаправить компоненты государственного патернализма (полученные ими как гражданами государства) на приобретение того, что они считают действительно нужным. Люди предпочитают доплачивать за обучение, лечение и копят «у. е.» на старость, используя предоставляемые государством блага как само собой разумеющийся ресурс, гарантированный властью.

Объем социальных гарантий, предоставленный государством, весьма велик. Только для компенсации потерь при монетизации льгот бюджет израсходовал сотни миллиардов рублей, так что весь объем располагаемых льгот даже трудно себе представить.²³

И если государство нарушает негласный социальный договор, по которому оно гарантирует некий минимум потребления, то реакция людей становится непредсказуемой. Государство для гражданского общества не более чем субстрат, источник необходимых питательных веществ, на котором оно произрастает.

Мы, члены нашего российского гражданского общества и граждане государства, если следовать теории, — коррупционеры по факту жизни в России, даже если не несем скрепок с работы, не берем взятки и не откупаемся от гаишников, потому что в рамках нашего гражданского общества мы «решаем проблемы», созданные неумным стремлением политиков и чиновников возродить империю, построить социализм, капитализм, социальное государство, гражданское общество, местное самоуправление и сделать в России так, как в США, Германии, Чили, Китае или Португалии.

И так было ведь во все времена, если судить по нашей специфической российской сатире и по анекдотам. Так было при Фонвизине и Салтыкове-Щедрине, Зощенко и Райкине, так есть при Жванецком и Задорнове, выражающих кто текстом, кто мимикой и жестом парадоксальность связей между российским государством и гражданским обществом. Не случайно, что сейчас в народе особой популярностью пользуются сюжеты об особенностях институтов нашего гражданского общества, нашей национальной охоты и рыбалки.

²³ <http://www.dcenter.ru/1/files/46/50/172.pdf>

Смотреть эти сюжеты смешно. Отстраненность и ирония при включении в нашу многозначную реальность необходимы хотя бы для того, чтобы не стать записным правозащитником или диссидентом. Но потом, после просмотра и смеха сквозь слезы, надо ведь идти «решать проблемы». В натуре. И, казалось бы, далекие от жизни рассуждения о государстве и гражданском обществе обретают очень конкретную форму неразрешимых — в этой теории и в основанной на ней практике — противоречий между предпринимателем и пожарным инспектором, между чиновником и пенсионером, между преподавателем и студентом, между врачом и больным.

Как видно из предыдущего, описание российского общества, исходящее из представлений о слабом гражданском обществе, приводит к парадоксам: вроде бы государство есть, хотя и громоздкое, но в общем-то его и нет. Вроде бы гражданского общества нет, но, с другой стороны, оно есть. И еще какое. Коррупция плоха, но ведь только она связывает наше вроде бы государство с нашим вроде бы гражданским обществом в нечто такое, в чем нам приходится жить. Значит, не верна исходная теория, которой руководствуются политики и чиновники.

Отечественные записки. 2005. № 6.

**ВРЕАУЛБНОСТТИ
ИНАСАМОДДЕ**

Новый президент России, придя к власти, оказался, по его собственному выражению, в ситуации, где «за что ни возьмись, везде Чечня». Иными словами, количество неразрешимых проблем столь велико, что даже перечислять их не имеет смысла. Тем не менее, реформирование началось. Власть начала действовать так, как будто страна только и ждет, что ее начнут изменять. Власть отчасти права: народ опять, как и 15 лет назад, ждет перемен, сам не зная каких.

Вместе с Ельциным ушли в прошлое десять лет жизни и сопровождавшее их государственное устремление «внедрить в жизнь» институты и отношения, которые в идеале весьма эффективны. С внедрением демократии, рынка и прогресса, как известно, не совсем удачно сложилось. Эти элементы идеального общественного устройства при попытке пересадить их в родную почву трансформировались в нечто совершенно иное. Вместо свободы получили «беспредел», вместо свободной прессы — НТВ и газетно-журнальную «джинсу», вместо выборов — теневую номенклатуру партии власти, вместо рынка — административную торговлю, вместо президентской республики — форму самодержавия, ограниченного как инерцией советского государственного устройства, так и мировым общественным мнением.

И снова умные и образованные люди, прямо или косвенно причастные к власти, ведут дискуссии по поводу реформирования, которые сводятся в конечном счете к обсуждению того, как, каким образом и откуда пересадить в Россию институты и отношения, которые кажутся им перспективными. Еще рассуждают о том, каким образом вернуться к отношениям, которые, как кажется диспутантам, были когда-то в Российской империи или СССР. Кроме того, склонные к реформаторству люди обсуждают причины, по которым эти попытки не удались в прошлом, и осуждают тех, кто, как им кажется, персонально в этом виноват. Список виновных известен и постоянно пополняется.

Реформаторы, как правило, узнают о том, что происходит в стране, из средств массовой информации, и происходящее совершенно их не устраивает. Вероятно, реформаторам хотелось бы, чтобы новостные и аналитические программы ТВ перестали транслировать скандальные хроники. Это свидетельствовало бы о том, что наступили мир и порядок, а также экономическое процветание. О различии между реальной жизнью страны и ее масс-медийным образом они, конечно, догадываются, однако не спешат исследовать этот феномен информационных технологий досконально. Зачем изучать то, что все равно неизбежно изменится в результате их реформ?!

Общественная онтология в нашей стране обладает странным свойством: ее основные составляющие вроде бы существуют, но только если не задумываться о характере этого существования. Общеизвестно, что в *реальности* все не так, как *на самом деле*. В *реальности*, например, в России есть города, а *на самом деле* в России нет городов, а есть слободы, разросшиеся до размеров мегалополисов.²⁴ Но если нет городов, то не должно быть и деревень. И *на самом деле* деревни в каноническом смысле в России нет, поскольку она исчезла в ходе коллективизации и построения колхозно-совхозной формы собственности.²⁵

В реальности общество существует, однако *на самом деле* общества как системы отношений, которая порождает государство и связана с ним органически, нет. То, что называется обществом, порождается тем, что называется государством, и не является тем обществом, которое описывается в трудах классиков социологии.

В реальности государство и граждане существуют. Но *на самом деле* в России нет государства в традиционном смысле этого термина, равно как нет и граждан (не говоря уже о гражданском обществе).

Либеральные экономисты считают, что в реальности в нашей стране нет экономики как деятельности и рынка как института, а нелиберальные экономисты считают, что и *на самом деле* никакого рынка не должно быть и что реальная экономика заключается в планировании и управлении материальными и финансовыми потоками.

В реальности в стране есть частный бизнес, но *на самом деле* этот бизнес в основном связан с госбюджетом и другими государственными активами, не производит прибавочной стоимости, жирует на государстве и полностью от него зависит.

В реальности средства массовой информации от имени народа ругают власть. Но *на самом деле* того, что называют (за рубежом) средствами массовой информации, у нас нет, а есть какое-то другое явление. Это явление несколько лет назад я назвал средствами информации того, что считается властью.

В реальности в стране есть власть, то есть то, что ругают СМИ. Но *на самом деле* российская власть не имеет необходимых атрибутов:

²⁴ В. Глазычев // Иное. М., 1996. Т. 1.

²⁵ Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

это не власть авторитета, не власть денег, не власть идеи, не власть силы, не власть права или обычая. *На самом деле* это какая-то иная власть, не такая, какую импортные политологи описывают в своих трудах.

В реальности есть народ, от имени которого говорят публицисты. Но *на самом деле* народа нет, а есть 145 миллионов человек, говорящих на одном языке и живущих в разных регионах большой страны. Народом их делает разве что телевизор.

Если рассматривать в реальности оппозицию народ — власть, то оказывается, что власть принадлежит ТВ и проводному радиовещанию. В реальности телевизор и радиоточка — это источник власти и ее применение одновременно. А *на самом деле* все далеко не так просто.

Структура русского языка, как представляется, не способна отразить отношения между *в реальности* и *на самом деле*. Люди живут одновременно и *в реальности*, и *на самом деле*, говорят об одном, делают другое, думают о третьем, причем корреляция между делами и думами зачастую невыразима в словах. В исключительных случаях мы можем выразить это соотношение через антонимы: если *в реальности* объявлена борьба с преступностью, то *на самом деле* сажать будут невинных; если объявлена экономическая реформа, то грянет грабеж; если впереди выборы, значит, выбирать не из кого; если провозглашают борьбу за справедливость, то будут расстреливать, и пр.

Онтологическое единство и логическая несовместимость *реальности* и *на самом деле* порождают дискомфорт, когда слова не способны выразить в полной мере ни положения говорящего в структуре социального бытия, ни его отношения к этому бытию. Вероятно, от этого происходит и мучительный накал политико-философских дискуссий, когда один дискуссиант говорит о том, что есть в реальности, а другой ему возражает, что *на самом деле* все не так.

Раздвоенность придает жизни своеобразную авантюренность, от которой некоторые иностранцы впадают в ступор и из-за отсутствия которой эмигранты страдают ностальгией. Русские, которые не могут понять или принять эту онтологическую раздвоенность русского бытия и действуют так, как будто ее нет (назову их реалистами), чаще всего считаются дураками, или подлецами, или иностранными агентами.

Реалисты не склонны обращать внимание на то, что есть и происходит *на самом деле*. Они уверены в том, что Россия при некоторой специфике — такая же страна, как и прочие. Они убеждены, что в ней есть государство, есть общество, есть экономика и народ, который стремится к демократии. И они действуют так, как будто все эти реалии есть. Их реальность действительно существует, но скорее как результат деятельности и ожиданий реалистов. А на самом деле эта реальность — лишь форма приспособления того, что есть на самом деле, к активности реалистов.

Импортные понятийные сетки, которые реалисты накидывают на нашу жизнь, выхватывают в ней фрагменты, в чем-то похожие на традиционные и известные социально-экономические институты: на государство и общество, на город и село, на бизнес и экономику — но эти сетки в принципе не способны ухватить то, что есть на самом деле. Существующее *на самом деле* в принципе не может быть описано в терминах теорий, созданных для описания реальности. Поэтому всамделишное кажется реалистам несуществующим, несущественным, не имеющим права на существование, в то время как реальность кажется общеизвестной и самодостаточной, хотя и недостижимой в наших условиях из-за привходящих обстоятельств.

Понятия, заимствованные из традиционных наук об обществе, формируют реальность слов и институтов, деятельность которых связана с актами речи. «Парламент» и «кабинет министров», «президент» и «правительство», «демократия», «авторитаризм», «регионы» и «прокуратура», «конституция», «политика» и «импичмент» — все это заимствованные слова, обозначающие то, что есть только в реальности.

Реальность в русской жизни есть то, о чем можно говорить официально, причем говорить как о потенциальной возможности и как о цели деятельности: укрепление государства, развитие гражданского общества и личности, становление демократии — это возможные реальности для России.

На самом деле есть другой язык, собственно русский, бытовой, и разговоры о сути дела возможно вести лишь на нем. Необходимость лингвистически одновременно существовать и в нормативной реальности, и на самом деле для непривычных к этому людей тягостна, и многие (например, некоторые бывшие премьеры) не смогли в полной мере овладеть искусством перехода от языка *в реальности* к языку *на самом деле* и наоборот.

Многослойность создает проблему действенности языка как социального явления, так как смысл произнесенных слов (социальных действий *в реальности*) слабо соотносится со смыслом действий *на самом деле*, который понятен без слов. Эта неразрешимость стала одной из основ для реанимации философии «русской специфики», «русского национального характера», «особого пути России» и т.д. Невозможность однозначно ответить на вопрос: «Что же действительно существует?» — в этой философии интерпретируется вне социальной эмпирии, вне онтологического единства *реальности* и *на самом деле* и их несомненной раздвоенности и неоднозначности.

Отношения между *реальностью* и *на самом деле* существенно ограничивают саму возможность реформирования. Ведь реформирование осуществляется в реальности, а на самом деле никакого реформирования нет, а есть что-то другое, невыразимое в языке тех теорий, которые лежат в основаниях реформ. Государство *в реальности* продолжит реформы, а *на самом деле* люди будут продолжать считать реформы еще одной московской аферой.

Меня в очень малой степени интересует то, что существует в реальности и что описывается вполне, казалось бы, понятными терминами. Но меня очень интересует то, что есть *на самом деле*. Я считаю, что происходящее *на самом деле* можно и нужно описать не менее внятно, чем описана реальность, но для этого необходимы совсем другие понятия, чем те, что используются для описания реальности.

Я считаю, что *на самом деле* существуют распределенный образ жизни и административный рынок, отношения между которыми можно уподобить отношениям между государством и обществом в реальности.

Распределенный образ жизни как субститут общества

Распределенный образ жизни

В России сейчас более 50 миллионов домохозяйств и почти 40 миллионов дачных и приусадебных участков, на которых люди выращивают картошку, овощи, откармливают коров, коз и свиней, держат птицу. Это означает, что практически все население ведет личное подсобное хозяйство, обустроивая свой быт и обеспечивая себя продуктами на зиму. Жизнь большинства семей России распределена между городской квартирой, дачей, погребом, сараем и гаражом. Владимир Вагин, впервые обративший внимание на эту структуру обыденности, назвал ее «совокупным жильем». В целом совокупное жилье представляет собой относительно замкнутую структуру материализованных связей, внеэкономическую по природе, существующую помимо государства, на самом деле и взаимодействующую не с государством, а с административным рынком.

Чаще всего семья в обычном городе имеет городскую квартиру, дом, дачу с участком земли в пригороде или деревне, баню, птичник (свинарник, коровник), погреб (сарай) в городе, где хранятся продукты питания, произведенные на «даче», автомашину (и гараж), основная функция которой обеспечивать связь между городской квартирой и дачей. Гараж может быть совмещен с погребом (сараем). В селе функции дома и дачи совмещены, и, кроме приусадебного участка, есть еще и покос, земля «под картошку», а также используемые на непонятных условиях лесные и речные угодья.

Даже если русская семья достаточно обеспечена, чтобы не вести личного подсобного хозяйства, она все равно имеет дачу с баней и пристройками, в обустройство которой вкладывается существенная часть семейных ресурсов и на которой старшее и младшее поколения проводят практически все свободное время.

Старшее поколение многопоколенческой семьи все теплое время года работает на даче. Среднее поколение такой семьи работает в городе на производстве или в учреждении, государственном или частном, ведет свой бизнес. Работа по найму (а частично и предпринимательство), независимо от того, как она оплачивается, рассматривается членами семьи скорее как институт, обеспечивающий ресурсами дачно-квартирное хозяйство. Несомненное мно-

гообразии типов совокупного жилья описано очень слабо. В частности, трудами социологов Новосибирского института экономики и организации промышленного производства описан сельский совокупный дом и соответствующий образ жизни в Сибири, где колхозно-совхозная «реальность» еще существует только благодаря тому, что остается ресурсной базой того, что есть на самом деле.²⁶ Городское совокупное жилье севера России описывает В. Вагин.

Совокупному жилью соответствует свой образ жизни, который я называю распределенным. Люди живут на два или более дома, и унитарная семья во многом существует только в реальности, в то время как на самом деле доминирует многопоколенческий тип семьи, распределенной по разным домам и дачам, но связанной в целое распределенным образом жизни. В исследованиях бюджета времени, проведенных в начале 1990-х годов, показано, что существенная часть времени у всех групп населения тратится на обслуживание совокупного жилья.

Города России летом пустеют, а магистральные дороги вечерами пятницы и воскресенья заполняются машинами, едущими на дачи и с дач. Вокруг городов на десятки километров простираются дачные зоны, в которых практически все местное население занято обслуживанием дачников, работающих на своих участках. Результатом их труда становятся заготовленные на зиму консервы, картошка и другие овощи, фрукты (там, где они растут). Эти заготовки осенью перемещаются в городские погреба и сараи, весной тара из-под заготовок вновь вывозится на дачи. Зима — это подготовка к дачному сезону, к огороду.

Различение города и деревни при таком образе жизни теряет социологический смысл: существуя в реальности, города и села на самом деле не различимы, естественно, с предельными ограничениями: есть вымирающие села, в которых нет дачников, и есть города, типа ЗАТО, в которых население из-за «реальных» ограничений не могло до недавнего времени вести личное подсобное хозяйство.

Время людей, живущих распределенным образом жизни, постоянно заполнено работой: в городе они отработывают свое, после чего едут работать на дачи. Отдыха как института вообще не существует, вместо отдыха есть смена рода деятельности, или дачный загул с баней, водкой, дракой и другими развлечениями очень уставших людей. Поездки на курорт, туризм и прочие формы цивилизован-

²⁶ З.И. Калугина, И.Н. Мартынова. Аграрная реформа в Сибири: социальный аспект // Общество и экономика. 1993. №4.

ного отдыха позволяют себе среднее и младшее поколения таких семей, возлагая на старших родственников все заботы о дачном хозяйстве на время отпуска.²⁷

Этот образ жизни свойствен всем социальным группам постсоциалистического общества. «Новые русские», например, заработав деньги, поначалу практически так же, как и все бывшие советские люди, расширяли совокупное жилье (покупали (или строили) квартиры, дачи и машины), превращали совокупное жилье в самодостаточную реальность, в которой, как в крепости, можно пережить любые реформаторские усилия государства. Речь идет о квартире в столице (страны или субъекта федерации), загородном доме в ее пригороде, вилле в Испании или Чехии, многочисленных погребках-схронах (в роли которых выступают офшорные банки и компании), где складированы деньги, драгоценности и активы, — во все это конвертировались приватизированные сырье, материалы, оборудование, результаты деятельности партнеров по бизнесу и т. д.

Зарубежные банки и виды бизнеса рассматривались «новыми русскими» прежде всего как места, в которые государство не сможет залезть, даже если очень захочет. Транспортировка капитала и организация схронов в середине 1990-х были весьма актуальной проблемой многих и многих семей. Распределенность образа жизни в этой «категории граждан» достигалась разными экзотическими способами, такими как множественность гражданств и стран, где они владеют недвижимостью.

Распределенный образ жизни складывается из множества локальных общностей: общностей дачных электричек, гаражно-автомобильных, погребных, собственно дачных, со своими разными и часто своеобразными нормами. Это очень богатая возможностями социальная среда, в которой основаниями социальной стратификации стали такие отношения, как расположение дачи (Ницца, Испания или юго-западный пригород Москвы, например), подключенность к магистральным коммуникациям, тип автомашины, тип городской квартиры и т. п.

Может быть, форма организации совокупного жилья и распределения жизни наследует старинному образцу — образу жизни высших сословий Российской империи, когда городской дом был естественным продолжением сельского имения, и жизнь была распределена между городским служением императору и сельским замыканием в своем интимном, собственно и составляющем содержание жизни.

²⁷ В. А. Артемов. Труд и отдых работников сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 1996. № 2. С. 29.

Те параметры, которые в реальности считаются стратообразующими, при распределенном образе жизни на самом деле оказываются малосущественными. Это относится к роду занятий, размеру официального дохода, социальному положению и происхождению, а также многим другим параметрам, лежащим в основе государственной статистики и управления.

Распределенный образ жизни и борьба с государством

На самом деле нет общества, политической жизни, оппозиции, политической элиты, средств массовой информации. Решения власти интересуют народ, живущий распределенным образом жизни, только в том случае, если они могут повлиять на этот образ жизни: цены на транспорт, энергоносители, водку и доллар бурно обсуждаются в электричках и на дачных посиделках. При этом существенная часть событий, происходящих в реальности и представленных в том, что называется СМИ, интерпретируется в понятиях на самом деле как коммерческая активность политиков и других ньюсмейкеров, направленная на расширение своего совокупного жилья и распределение образа жизни.

Несмотря на свою всеобщность, совокупное жилье и распределенный образ жизни не существуют в реальности Российской Федерации. Их нет в статистике, нет в исследованиях политологов, фиксирующих только так называемый «летний спад политической активности» (вызванный, в частности, массовым оттоком населения на дачи и работой в личном подсобном хозяйстве) и ее весенне-осенние обострения. В социологических исследованиях они присутствуют как побочные феномены, не становясь объектом прямого исследования.

Так как совокупное жилье и распределенный образ жизни в реальности не существуют, государство может воздействовать лишь на отдельные их элементы: ограничивать ведение личного подсобного хозяйства, бороться с нарушениями трудовой дисциплины, с воровством на производстве, коррупцией, повышать цены на энергоносители, вводить ограничения на торговлю продукцией личного подсобного хозяйства и пр. Человека можно посадить, конфисковать имущество, но что бы государство ни предпринимало, все равно некоторые базовые элементы совокупного жилья остаются вне его юрисдикции, что и есть конечная цель распределенного образа жизни.

Экономические критерии не применимы к распределенному образу жизни и совокупному жилью просто потому, что экономика связана с реальностью, а на самом деле людям нужны гарантии выживания в их перманентном стремлении убежать от государства, и они готовы вкладывать в обеспечение этих гарантий свое время и деньги, практически не считаясь с издержками. Этот образ жизни представляет собой выбранную методом проб и ошибок стратегию отношений граждан с государством и производным от государства обществом. Эффективность этого образа жизни можно рассматривать как социальную эффективность, как защищенность от реформаторских усилий государства. Можно сказать, что в настоящее время эта эффективность весьма высока.

Я думаю, что совокупное жилье и распределенный образ жизни есть своеобразная форма эмиграции, то есть приспособление к модернизирующей активности государства и его стремлению подчинить себе обыденность. Бесконечная модернизирующая активность государства, выраженная в репрессиях и административных ограничениях на жизнь, вынудила людей диверсифицировать среду обитания и «эмигрировать» в свои относительно замкнутые миры особняков, квартир, «дач», бань, гаражей, погребов и сараев и деятельности по их обслуживанию. Цена такой диверсификации весьма высока, ведь только экспортированные за границу деньги, обращенные в недвижимость и другие капиталы, оцениваются в миллиарды долларов. Оценить же инвестиции в десятки миллионов дач вместе с их инфраструктурой и трудом по обслуживанию просто невозможно.

Содержание десяти лет жизни постперестроечной России можно описать как свободу в построении совокупного жилья и свободу граждан в распределении своей жизни по отдельным «точкам». Советские ограничения на строительство, на аренду земли и операции с ней практически исчезли в начале 1990-х годов, и вокруг городов за несколько лет выросли поселки коттеджей и дач. Существенная часть сельских домов была перекуплена горожанами, которые часть ресурсов, «уведенных» у государства в ходе приватизации и экономической самостоятельности, вложили в создание распределенного жилья и в его благоустройство.

Распределив свою жизнь между городской квартирой и дачей, люди стали спокойнее относиться к реальности, то есть к государству, его институтам и государственной службе. Они знают, что на самом деле государство им уже не опасно, а с теми государственными людьми, которые имеют к ним претензии, всегда можно договориться. Да и сами государственные люди, имеющие квартиры в городе и дачи в пригородах, живут точно так же, как и все другие, и им всегда и все можно объяснить, в том случае, если объяснение происходит на самом деле, а не в реальности.

Административный рынок как субститут государства

Если распределенный образ жизни есть на самом деле другая сторона того общества, которое существует в реальности, то государство можно сопоставить с административным рынком.²⁸ Можно сказать, что административный рынок порождает распределенный образ жизни как среду, в которой только и возможно выживание людей, находящихся в административно-рыночных отношениях, а распределенный образ жизни воспроизводит административный рынок как каркас своего собственного существования.

Административный рынок является неэксплицированной системой отношений между производящими и распределяющими субъектами плановой в прошлом экономики, которая продолжает существовать после смерти КПСС, Госплана и прочих институтов советской власти.

Административные рынки существуют всегда и во всех социальных и политических системах, но обычно они локализованы в самих структурах власти, в тех местах, где принятие решения по распределению благ осуществляется исходя из статусных характеристик самих властных субъектов. Административные рынки существуют обычно как теневая сторона государственной деятельности, как форма согласования интересов в тех случаях, когда это по каким-либо причинам нельзя делать политическими или чисто административными методами. При построении всеобъемлющей и всепроникающей советской власти, то есть при разделении жизни на реальность и на самом деле, административный рынок как форма распределения и перераспределения благ стал самодовлеющим и самодостаточным. В реальности все другие формы социальной самоорганизации и организации, кроме советских, в ходе строительства социализма были ликвидированы вместе с людьми. Теневая (которая на самом деле) сторона согласования интересов стала основной, в то время как политическая и административная стороны (в реальности) стали фиктивными, прикрывающими те способы принятия решений, которые диктовал административный рынок.

Советская власть трансформировалась в реальность постперестроечной, ельцинской России с ее институтами парламентаризма, президентства, демократии, свободы слова, а советский административный рынок трансформировался в российский, где на самом деле идет торг между регионами России и ее центром, между олигархами и региональными баронами, между олигархами и федеральной властью, между бандитами и частными предпринимателями.

²⁸ С. Г. Кордонский. Рынки власти. М., 2000.

Суть отношений между реальностью и происходящим на самом деле за десятилетие ничуть не изменилась по сравнению с советским периодом истории России.

При этом понятия, которыми административно-рыночная власть описывает самое себя, определены только в реальности, в то время как административная торговля осуществляется на специфическом языке, в котором доминируют бытовой и криминальный диалекты. Поэтому то, что происходит на самом деле, не может быть в принципе описано на языке реальности. Общеизвестно, что даже попытка описания, такая как гласность конца 80-х годов XX века, в немалой степени способствовала трансформации советской власти в сегодняшнюю российскую реальность. Разрыв между описаниями того, что есть в реальности государства, и того, что происходит на самом деле, сейчас ничуть не меньший, чем во времена Брежнева.

За десять лет в стране сформировалось очень богатое возможностями пространство административного торга, в котором любые проблемы распределенного образа жизни могут быть решены тем или иным способом, начиная от социальной дискредитации или физической ликвидации «недоговороспособного» субъекта и отката в форме пакета акций «интересного» предприятия до института решения всех проблем в бане.

В реальности России идут реформа государственного устройства и экономики, информационные войны, выборы, а на самом деле идет административная торговля между различными субъектами политических и экономических процессов. Правила этой торговли общеизвестны и составляют содержание неэксплицированного общественного договора, оставленного России в наследство от СССР: «Мы делаем вид, что работаем, вы делаете вид, что нам платите».

На самом деле люди работают, обслуживая свое совокупное жилье, и платят тому, от кого действительно зависят. Мучительная торговля с деятелями административного рынка составляет в какой-то мере суть социальных отношений. Иногда эти отношения сугубо коммерческие, как в случае с инспекторами и другими сотрудниками ГИБДД. Гораздо же чаще эта торговля не кодифицирована, и в каждом конкретном случае приходится оговаривать размер «налога» на деятельность и формы его оплаты.

Люди, живущие на самом деле, органически не способны делиться с государством. Они рассматривают государство как субстрат для своей «настоящей» жизни. Но эти же люди вполне естествен-

но платят тем, кто для них персонифицирует силу на самом деле, — рекетирам или чиновникам, выступающим в роли рекетиров. Государству платится только за то, что каким-то образом представлено в реальности: за дом, землю, автомашину — за то, что нельзя или трудно спрятать.

Тот аналог территориально-отраслевой организации жизни, который пришел на смену советскому административному рынку, на самом деле оказался еще менее продуктивным, чем предыдущий. Отношения между олигархатами (российскими аналогами отраслей), органами власти субъектов федерации (аналогами обкомов КПСС в СССР) и федеральной властью не обеспечили стандартную для СССР процедуру отчуждения ресурсов и их «справедливого» распределения. За десять лет были испробованы, наверное, все логические варианты консолидации отчуждающе-распределительного механизма: передача полномочий и собственности регионам, укрепление олигархатов, укрепление федеральной власти вплоть до попытки формирования аналога Политбюро из олигархов как высшего согласовательного органа власти после президентских выборов 1996 года.

В результате сформировалась дифференциация регионов по степени автономности от федерального центра (от воюющей Чечни, независимых Татарии и Башкирии до бывших советских автономий вроде республики Алтай, полностью зависимых от льгот и дотаций, предоставляемых федеральным центром). Кроме того, возникли разного типа олигархии, от Газпрома и РАО «ЕЭС», пытающихся адаптировать внутреннюю и внешнюю политику государства под свои корпоративные задачи, до ТВ-каналов ОРТ и НТВ, контролирующих смысловое информационное пространство и через него содержание федеральной политики *в реальности*.

Отношения между новыми отраслями-олигархатами и региональными органами власти персонифицированы в фигурах чиновников администрации президента и правительства, которые на самом деле воплощали присутствие олигархов и региональных баронов на административном рынке и служили проводниками их интересов. Собственно борьба за функциональные места в аппарате федеральной власти и была «всамделишным» содержанием федеральной политики, которая в 1996–1999 годах превратилась в последовательность информационных войн, в которых конкурирующие группировки обвиняли друг друга в воровстве, отношениях с организованными криминальными группировками, самостийности и самоуправстве с преступными намерениями.

Реформы и жизнь: между «реальностью» и «на самом деле»

Очень трудно найти в России людей, которые бы жили не совсем так, как большая часть населения, и не распределяли бы свой образ жизни в пространстве. Пребывать одновременно в *реальности* государства, но жить *на самом деле* есть специфическая отечественная форма социальной стабильности. Потеря определенности хотя бы в одном срезе этого бытия чаще всего приводит к социальной деградации. Фантастическое количество бомжей в городах является тому примером.

Я думаю, что еще нескольким поколениям русских предстоит жить и в *реальности*, и *на самом деле*. Слишком глубоко зашло это расслоение, став органическим и закрытым для рефлексии.

Многие люди и сейчас живут вполне неплохо, но жалуются на то, что живут не так, как хотели бы, что-то мешает. Конфликт между *реальностью* и *на самом деле* проявляется в том, что частному бизнесу мешает государственный бизнес, гражданам государства мешают государственные институты, общественным деятелям — общество, политикам — политические партии и организации и т. д. Люди *на самом деле* делают свой бизнес и обустривают собственные жизненные пространства, а в *реальности* борются со своими зеркальными отражениями и никак не могут их одолеть.

Бесконечные попытки государства соединить *реальность* и *на самом деле* и создать условия для того, чтобы люди имели дело непосредственно с государством, а не с функционерами административного рынка, никогда не были успешными и даже во многом способствовали развитию и диверсификации административного рынка. И дело не в чиновниках, а в структуре жизни, разделенной на то, что есть в *реальности* государственного устройства и что есть *на самом деле*. За эту разделенность приходится платить как государству, так и его гражданам. С другой стороны, благодаря этой разделенности страна еще существует, несмотря на катастрофическое состояние экономики и фактическое отсутствие политической системы.

В *реальности* шли экономические реформы, укреплялась демократия, формировались независимые СМИ, были инфляция, финансовая стабилизация, унижительные поиски внешних источников фи-

нансирования того, что существует *на самом деле*. А *на самом деле* люди вне зависимости от чинов и званий возводили совокупное жилье и распределяли свой образ жизни в пространстве и во времени, для того чтобы понадежнее от реальности спрятаться.

Попытки изменить содержание общественного договора, которые предпринимаются сейчас избранным президентом, уже привели к росту социальной напряженности. Попытки отделить *реальность* от *на самом деле* затрагивают интересы всех социальных групп и в принципе материальные основы распределенного образа жизни. Сужение сферы административной торговли приведет к тому, что с чиновниками станет невозможно «договориться», и надо будет решать вопросы в реальности, что не в интересах ни чиновников, ни простых граждан.

С другой стороны, невозможно разделить *реальность* государственного устройства и жизнь *на самом деле* любыми действиями и со стороны реальности, и со стороны *на самом деле*. Эти попытки напоминают стремление найти «другую» сторону поверхности Мебиуса. Наше *на самом деле* существует только в нашей реальности и наоборот. Укрепление государства и формирование властной вертикали в реальности означают дальнейшую диверсификацию административного рынка *на самом деле*. Разделение бизнеса и власти в *реальности* означает потенциальное исчезновение и того, и другого и возникновение *на самом деле* того, что можно назвать анархией, и т. п.

Попытки реформирования, предпринимаемые сейчас государством в *реальности*, пока не анализируются его гражданами с той точки зрения, насколько эти реформы затронут совокупное жилье и распределенный образ жизни. Можно предположить, что реализация программы реформ в совокупности с отпуском цен на энергоносители и коммунальной реформой сделает экономически невозможным ведение совокупного жилья и распределенного образа жизни, то есть *реальность* поглотит то, что есть *на самом деле*. Поскольку этого не может быть по определению, постольку реформирование в этом направлении просто бессмысленно.

Политические последствия реформирования, если оно будет продолжено в конфронтационном (относительно *на самом деле*) стиле, невозможно предусмотреть, поскольку будут затронуты не только материальные основы выживания подавляющей части населения страны, но и способ осмысления *реальности* — то, что делает Россию Россией. Как только населению страны станет ясно, что стоит за нейтральными словами, такими как «социальный налог», воз-

никнет в принципе неконтролируемая неполитическая оппозиция федеральной власти с весьма высоким мобилизационным потенциалом.

Российский распределенный образ жизни функционирует так, чтобы ограничивать вмешательство государства в бытование его граждан, он выполняет функции гражданского общества, таковым не являясь. Именно этот образ жизни, с моей точки зрения, является тем, что нейтрализует реформаторские усилия уже многие годы. В то же время только благодаря реформам этот образ жизни стал тем, чем является.

Люди, сидя перед телевизорами в своих квартирах и на дачах, чаще всего рассматривают то, что показывают в новостях и аналитических программах, как цирк, представление, театр, куда они вовлечены в той мере, в которой происходящее в демонстрируемом представлении способно оказать влияние на их бытование. При этом все действия персонажей политической сцены рассматриваются как организованные по той же логике, в которой живут зрители, они же участники: политики и государственные деятели имеют квартиры и дачи, в которые тащат то, что им удалось ухватить благодаря близости к государственной кормушке. Я не знаю, как и каким образом можно доказать людям, что все далеко не так просто.

Русский журнал, 2000

1987 - 1997:

PER ASPERA AD AUNDUS

От желчи мир изнемогает,

Планета печенью больна,

Говно говном говно ругает,

Не вылезая из говна.

Игорь Губерман.
Заметки фенолога

Разнообразие товаров на уличных лотках для меня было индикатором свободы. 1987 год — нечего вспоминать. А потом пошло — смесь импортных конфет с презервативами и оружием в подземных переходах узловых станций метро. Максимум свободы пришелся — если судить по аптечным киоскам, например, — на 1993 год, когда в них можно было запросто купить любую сильнодействующую дрянь. В 1997-м свободы сильно поубавилось, и ту же дрянь теперь предлагают из-под полы спекулянты на толчках у избранных ими аптек.

Лотки исчезают, в подземных переходах Москвы установлен порядок «по Лужку», а в магазинах выбор уменьшается от месяца к месяцу. Замаячил очередной пиздец. С полгода уже как Радио «Свобода» стало одним из основных источников информации. Пока что все, что они там говорят, можно при желании прочитать в газетах или увидеть по ТВ. Но на газеты и ТВ уже выработался рефлекс «все говно», к тому же газеты пачкаются, а ТВ рябит. Почитаешь «Сегодня» и «Известия», и надо искать, где бы отмыть руки от плохой типографской краски. А на ТВ — Ельцин и маразм, Черномырдин и презерватив, Газпром и кариес, Чубайс и прокладки, и нет никакого желания разбираться в том, кто кого и на что надевает и куда вставляет.

Государство пытается наводить порядок. Ростовские чекисты попытались посадить американского связиста за провоз через границу двухсотдолларового геодезического приборчика, который даже в Москве есть в свободной продаже. Приморские чекисты посадили за шпионаж военного журналиста, который продавал японскому ТВ информацию о том, что ядерные отходы сливают в их море. Любой гражданин — с помощью ментов — может найти у себя в кармане кокаин или анашу. Спецслужбы, объединив усилия, посадили в Кузбассе выбранного мэра на том основании, что у него было три судимости при советской власти, об этом написали в газетке, а ее прочитал президент. Налоговая полиция заставила Киркорова и прочих звезд заплатить налоги. Высокопоставленный холуй, настолько наивный, что сумел оформить в слова основную идею нашего времени — «делиться надо», заговорил о шпионах в правительстве, сдающих врагам наши финансовые тайны. Мало-помалу, но по количеству заключенных в ИТУ и находящихся под следствием Россия приближается к СССР.

Власть перебирает признаки, которые можно было бы использовать для создания образа врага. Без врага в России нельзя сформулировать объединяющую национальную идею. А без идеи не будет

и извечного российского порядка, основанного на самодержавии, православии и народности, приправленных смесью иудаизма с коммунизмом.

Власть пока не совсем точно знает, с чего начать наводить порядок. Наведение порядка — это всегда передел и разрушение уже установленного кем-то порядка. Любой передел чреват неожиданностями, особенно когда отношения собственности не прозрачны. И власть вместо легитимации сущего ищет пути объективации идеального, но не может пока сформулировать идеал.

Возможно, после выборов 2000 года наступит новый порядок. Тогда надо будет вспоминать до-перестроечные навыки и заново учиться читать — спокойно, со вкусом и пониманием того, что прочитанное и понятое на хер никому не нужно. Но может быть и наоборот: становление нового старого порядка продлится только до выборов — или до их отмены, а потом в стране — или в том, что от нее останется, — на лотках снова появятся разные товары. И вместе с ними восхитительное ощущение свободы выбора и его необходимые спутники — страх за жизнь и неопределенность.

В жизни за десять лет многое изменилось. Исчезли привычные пространственно-временные ориентиры: названия улиц, колхозы и совхозы, заводы и фабрики, памятные даты и вообще разметка исторического времени. Сломалось советское пространство, стали достигаемыми когда-то мифологические Эмираты и Китай, но добраться до Крыма или родственников в дальней деревне стало несравненно труднее.

Настоящая революция произошла в потреблении. Внешние признаки ее — в потоках иномарок на улицах, в разнообразии еды на обеденном столе, количестве вещей в обиходе и, наконец, в обилии блюд на все вкусы в быту, на работе, на газетных страницах и экране ТВ. Внутренние признаки — в том, как люди стали относиться ко времени. Роскошь необязательного и неделового общения могут позволить себе только те, кто не стремится к престижному потреблению.

Государство почти десять лет не собирало налоги. И граждане, и предприятия делали деньги помимо государства, раскрадывая советскую собственность и продавая ее частным образом кому придется. На этом поднялись отечественные капиталисты, которым слабое государство необходимо, иначе им не с чего жить и прирастать капиталами. Но слабое государство не смогло обеспечить политическую стабильность, необходимую для сохранения капиталов.

Новый старый порядок в стране стал устанавливаться после того, как капиталисты решили создать сильное государство для всех граждан и хозяйствующих субъектов — кроме капиталистов, и слабое государство для самих себя. Для этого они реанимировали базовые структуры советской власти.

За десять лет почти не изменились основы жизни. В акционерных обществах отношения работников с владельцами остались такими же, как они были во времени, когда руководство предприятий утверждалось бюро райкома или горкома КПСС, а финансовые структуры наследовали внутренние отношения от комитетов КПСС. Собственность от отцов-функционеров перешла к детям-деловарам, да бывшие воры и спортсмены, став новыми русскими, вполне легально распоряжаются любой собственностью, как своей.

Сохранилась и структура понятийного аппарата, которым обыденное сознание описывает происходящее. Извечная мифологичность российского мышления обрела новые категории, такие как пассионарность, сохранив марксистско-гегелевские дуальные оппозиции материи и сознания, государства и народа, общества и личности и пр. Где-то сбоку остались понятия современных экономических и социальных теорий, которые — как импортные продукты при Советах — выставляются на стол при гостях, а повседневность определяет русская ширпотребная философия а ля Гумилев, разбавленная марксистскими благоглупостями.

Непосредственно наблюдаемое восстановление советского порядка вещей противоречит расхожему мнению о том, что за десять лет страна пережила либеральную революцию, в ходе которой СССР исчез вместе со своей имперской идеологией, а экономика стала рыночной. Бесспорно только исчезновение страны СССР, так как даже государство СССР не исчезло, а трансформировалось в пятнадцать своих разномастных подобий. При этом одни формы интеграции политики и экономики сменились другими, а коммунистическая идеология диверсифицировалась и продолжает направлять действия всех субъектов российской, в частности, действительности — от тех, кто считает себя радикальным либералом, до тех, кто считает себя убежденным фундаменталистом.

Еще не совсем советская власть

В СССР — с позиций современной мифологии — была тоталитарная система власти (административно-командная система). Либералы считают, что она подавляла людей и потому развалилась. Радикальные коммунисты считают, что подавляли не тех, кого надо, и развалилась поэтому. В промежутке между этими полярностями находятся другие точки зрения, в том числе и такие экзотические, как дугинская, представляющая Евразию полем борьбы между атлантистами и евразийцами, воплощением которых в советской реальности были КГБ и ГРУ. При этом реальная структура власти и ее трансформации в постперестроечной России если кого и интересуют, то только для того, чтобы подчеркнуть происшедшие за десять лет изменения. Но изменились за это время формы согласования интересов между структурными элементами советской власти, но не сами структурные элементы.

В СССР была иерархизированная территориально-отраслевая структура управления, где на каждом уровне территориально-отраслевой иерархии существовали комитеты КПСС, в которых согласовывались противоречия территорий и предприятий отраслей народного хозяйства, расположенных на этих территориях. Иерархизированные парткомитеты (первичные парторганизации, райкомы, горкомы, обкомы, республиканские ЦК) были основой социальной стабильности, так как гасили конфликты между первыми лицами предприятий и территориальных органов власти или транслировали конфликты на более высокий уровень партийной иерархии в том случае, если конфликтовали первые лица не их номенклатурного уровня.

Иерархии отраслей народного хозяйства распались после исчезновения органов партийного управления, но не на самостоятельные хозяйственно-экономические структуры, а на иерархизированные группы. Даже видимые извне производственные целостности (такие как заводы, огороженные колючей проволокой) разделились на АО, соответствующие производственным участкам, в которых были когда-то первичные парторганизации КПСС.

Высшие уровни бывших отраслевых иерархий приватизировали финансовые ресурсы СССР и стали называться банками, в то время как низшим уровням этих же иерархий, ставших акционерными обществами, остались изношенные основные фонды и природные

ресурсы. Часть отраслей народного хозяйства СССР уцелела, превратившись в пока что маломощные транснациональные корпорации с центральными конторами в Москве. Это Газпром, РАО «ЕЭС», Минатом, Русская православная церковь.

Начиная с 1994 года распавшиеся были отрасли стали восстанавливаться, то есть так называемые коммерческие банки начали интегрировать в себя так называемые акционерные общества. В 1997 году в экономике оформились новые холдинги, представляющие собой реинкарнацию отраслей советского народного хозяйства. Их можно сопоставить — по степени концентрации власти и собственности — с Бюро Совета Министров СССР в том их виде, который существовал в конце 80-х годов.

Новые холдинги всасывают в себя отдельные предприятия и их группы, выжимают из них деньги²⁹ и передают их в свои банковские и биржевые структуры для спекуляций на финансовых рынках, оставляя своим «дочкам» долги и возможность бартерной торговли ими.

Территориальная структура России, в отличие от отраслевой, сохранилась в почти неизменном советском виде. Обкомы, горкомы и райкомы КПСС, выпав из партийной иерархии и поглотив местные Советы, начали самостоятельное существование в виде республиканских, областных, городских, районных администраций. Единой вертикали власти, такой как иерархия комитетов КПСС, в стране нет. Институт правящей партии отсутствует, и нет такой высшей меры наказания для нарушивших социальные нормы, как исключение из нее. Администрация президента, вначале претендовавшая на функциональную роль правящей партии, оказалась не адекватной задаче. Регионы и новые холдинги могут согласовывать свои интересы только на федеральном уровне, где их интересы сталкиваются с интересами российских транснациональных корпораций.

Силовые институты государства, при советской власти жестко контролировавшиеся аппаратом КПСС, денационализировались и больше зависят от региональных и местных администраций, чем от своих московских министерств. Поэтому регионы России ведут собственную репрессивную политику, руководствуясь местными представлениями о социальной справедливости.

²⁹ Поэтому столь остра конкуренция на аукционах по продаже государственной собственности.

Политические интересы многих игроков этого административного рынка постепенно сближаются. Газпрому, например, для успешной деятельности необходимы политическая стабильность и предсказуемость на всем пространстве бывшего СССР, и даже больше. Владельцам новых холдингов также становится тесно на административно фрагментированном пространстве России — слишком много губернаторов и президентов, с которыми необходимо делиться и договариваться. Им сейчас жизненно необходим политический орган, в котором они могли бы согласовывать как свои собственные интересы, так и интересы ограниченного количества регионов, не больше двух десятков, как это было в СССР.

Сама власть — в отсутствие правящей вертикали, в функции которой входит согласование интересов отраслей и регионов, — стала холдингом,³⁰ а носители власти отличаются от прочих капиталистов только тем, что приватизировали самый конвертируемый советский ресурс. Пока что президент Ельцин и его окружение, олицетворяющие власть, выступают партнерами или конкурентами тех, кто персонифицируется сейчас понятием «олигархи» в политико-административных играх, таких как «нужный результат выборов в обмен на госсобственность». Для того чтобы выделиться из сонма олигархов, власти необходима национальная идея, которая бы освятила ее право на согласование интересов всех тех, кого номенклатурная идеология считает имеющими права на собственные интересы.

Ельцину жизненно необходимо сформировать такую структуру власти, чтобы ему и его родственникам не пришлось рекламировать пиццу — как это сделал Горбачев. Выбор у Ельцина ограничен двумя ролями: императора и генсека. Третьего в этой структуре власти и собственности не дано, но не дано и возможности сделать выбор между ролями. Для роли генсека нужна партия, новая КПСС, а ее нет и не может быть. Для роли императора нужна империя, вряд ли возможная в конце двадцатого века. Поэтому Ельцин является президентом, но межумочность этой роли ясна и ему, и его «семье».

Самое естественное решение проблемы отношений между новыми отраслями народного хозяйства и регионами, в которых они имеют интересы, — создание нового советского государства, объединяющего часть бывших республик СССР, и одновременная реформа административно-территориального деления России с «укрупнением» субъектов федерации. В таком государстве высшим органом управления станет какое-нибудь Политбюро. В его состав войдут первые

³⁰ Управление делами Президента является по размерам активов то ли вторым, то ли третьим хозяйственным субъектом России. Международный промышленный банк, после того как в него были переведены счета УД Президента, вошел в первую десятку банков страны.

лица Газпрома, РАО «ЕЭС», ЮКСИ, Онэксима — наряду с президентами России, Украины, Белоруссии, может быть, Грузии и Казахстана. Тогда многие политические проблемы, такие как президентские выборы в России, станут для руководителей отраслей народного хозяйства нового государства менее значимыми. Действительно, почему их должны уж очень сильно волновать результаты выборов в одной из провинций великой страны.

Во многих регионах России новая старая власть уже установилась даже юридически, потеряв при этом многие облагораживавшие черты Советов. Все-таки об образовании и здравоохранении Советы когда-то заботились больше. В полной мере новый порядок установлен в Москве, мэр которой даже внешне становится похож на Муссолини, не говоря уже о деяниях вроде празднования 850-летия Москвы, ударном внедрении памятников монументального искусства и гонениях на «лиц кавказской национальности».

Совсем не рыночная экономика

Экономику России можно считать рыночной только в очень узкой сфере легальных отношений с мировыми рынками, в то время как внутри страны, да и во многих международных аспектах она если и может быть названа рыночной, то только в смысле административного рынка. Коррупционность чиновников, воровство предпринимателей и рядовых граждан, бартер и «черный нал» вовсе не случайные феномены, сопровождающие становление демократии и рыночной экономики, а системные характеристики российского административного рынка, сменившего административный рынок СССР.

На финансовых рынках России обращаются деньги, выжатые олигархами из контролируемых ими предприятий, и разного рода рисковые и заемные иностранные капиталы. Основой же реального сектора экономики стал рынок долгов. Государство обслуживает этот рынок: создает долги, их распределяет и пытается контролировать торговлю ими. Долги в российской экономике выступают как финансовые и административные активы, которыми субъекты этого специфического рынка торгуют с конечной целью предъявить

их государству. Государство демонстрирует накопленные долги мировому финансовому сообществу и выпрашивает у него займы для их погашения.

Долги отражают бартерные отношения между товаропроизводителями. Товарные кредиты, которыми обмениваются предприятия и организации, учитываются как взаимные задолженности, которые при удачном стечении обстоятельств может погасить государство. Те долги, которые удалось конвертировать в реальные деньги, образуют основу рынка «черного нала». Существенная часть расчетов между экономическими субъектами российской экономики происходит в «черном нале» и в иностранной валюте..

Рынок долгов, точно так же как рынок кредитов в естественной рыночной экономике, создает всеобщую связность экономических и социальных субъектов и обеспечивает предсказуемость экономического поведения. Размеры долгов определяют административный и политический статус их обладателей: чем больше долг, тем выше статус. Наиболее богаты долгами энергопроизводящие предприятия и организации — Газпром, РАО «ЕЭС», нефтяные компании.

Источником денег для легального финансового рынка стали внешние заимствования и портфельные инвестиции, а для рынка «черного нала» — нелегальный экспорт и импорт товаров и валюты. Страна открыла саму себя и окружающий мир — как источник денег, и ее жители изобретают изощренные способы их извлечения: от лжеэкспорта и лжеимпорта до мимикрии под бедность и спекуляции фьючерсами.

Реформы, реформаторы, гражданское общество и прочая лабуда

Понятие реформы предполагает разделение реальности на реформируемую часть и на реформаторов и действия реформаторов по отношению к реальности. Это противопоставление кажется по меньшей мере натянутым. Экономика СССР развалилась сама по себе, хотя политических последствий экономического кризиса, развала государства в частности, можно было бы избежать. Но для этого надо было бы, чтобы страной руководила не КПСС. Так что возможность эта сугубо гипотетическая.

Еще в 1983 году на семинаре в Институте экономики и организации промышленного производства в Новосибирске сотрудники ЦЭМИ представили прогноз, из коего следовало, что в 1987 году начнется великий экономический кризис, связанный с длинными «кондратьевскими» циклами, и что начало экономического роста придется на 1996–1997 годы. Распад экономики СССР был естественным явлением, а то, что реформаторы оказались в этот момент близко к власти и приняли участие в организации раздела пирога, — достаточно случайное событие. Не было бы этих людей, были бы другие. Результат был бы примерно такой же.

Распад экономической и политической системы социализма был вызван его структурными особенностями, умело использованными геополитическими конкурентами. Он продолжается и сейчас, но уже не во взрывной форме. Некоторые промежуточные продукты распада, такие как политические и экономические системы большинства государств — членов СНГ, зафиксировались как, казалось бы, постоянные образования. Однако это далеко не так. Трансформация СССР и наследовавших ему государств и экономик (в том числе и российской) продолжится еще несколько десятилетий. Причем не исключено, что повторятся взрывные формы трансформации, такие как события 1991 года.

Деньги в 1989–1994 годах возникали внутри страны — как энергия связи между отделяющимися от монолита власти субъектами административного рынка. Инфляция была внешним выражением взрывного распада такой структуры власти и собственности, которая не могла меняться никаким иным образом. Она съедала и день-

ги, и организационные формы, их создающие. Поколения банкиров менялись два раза в год, а банкирами называли себя граждане, в нужный момент оказавшиеся в точках, где при распаде выделялись деньги.

Энергия связи между республиками СССР и отраслями народного хозяйства, которую контролировали союзные органы управления, была сконцентрирована в соответствующих организационных и материальных ресурсах. Эта энергия освобождалась в значительной степени неконтролируемо, что представляло геополитическую опасность. Распад и сопутствующее выделение денег можно было направить в разные направления. Внешнее окружение бывшего СССР, защищаясь от последствий распада, использовало межгосударственные и общественные институты, такие как МВФ, Мировой банк, ЕЭС, благотворительные организации.

Реформаторы стали каналом, по которому внешняя помощь в виде займов, консультаций или просто наличной валюты шла в страну для того, чтобы научиться контролировать энергию, выделяющуюся при распаде СССР, и использовать ее для управления этим процессом. Идеологическим обоснованием этой деятельности стала либеральная концепция экономических реформ, которая по совместительству выполняла функции национальной идеи.

Ритуальные действия, которые реформаторы совершили над страной, описаны в англоязычных книжках. Реформаторы вполне искренни в своем язычестве. «Освобождение цен — финансовая стабилизация — экономический рост» — почти что гегелевская триада, которую они, рискуя карьерой и репутацией, реализовывали в «инертной» российской среде.

Но все вышло через жопу, а не по либеральной теории. Они освободили цены, которые выросли не в три-четыре раза (как предсказывала их теория), а в три-шесть тысяч раз. Они начали финансовую стабилизацию, которая привела к эпидемии неплатежей, необратимой бартеризации реального сектора экономики и к остановке естественного процесса разгосударствления собственности в момент, когда наиболее лакомые ее куски попали к людям, близким к ним по возрасту и по духу. Что касается роста производства, то обнаружился он только после того, как органы государственной статистики начали учитывать теневую экономику.

В результате финансовой стабилизации зафиксировались организационные формы, которые порождают советскую власть из самих

себя: новые отрасли народного хозяйства и регионы. Финансовая стабилизация перевела распад организационных форм административного рынка в латентное состояние — в теневую экономику. Она же стимулировала расслоение финансовой системы страны на легальную и «черно-нальную», заставила всех хозяйствующих субъектов разделить свою деятельность на ту, с которой платятся налоги, и ту, с которой даются взятки.

Но ничто не сможет разубедить правоверных либералов в их симболе веры, даже изгнание из власти. Новая старая власть в лице владельцев холдингов и госчиновников в конечном счете восстала против намерения догматиков и дальше играть по правилам либеральных преобразований. Олигархи ощипали «команду молодых реформаторов» и подали под соусом борьбы за прагматизм и против излишней идеологизации³¹ на торжественный ужин по случаю политического оформления их власти. Теперь Чубайс, став главным фискалом страны, должен будет довести до конца политическую часть финансовой стабилизации: уничтожить тех субъектов экономической деятельности, которые не платят налоги, а предпочитают откупаться от государевых людей взятками. Вот уж ирония судьбы: записной либерал из верности государственному долгу должен будет уничтожить ту часть экономики, которая действительно отделилась (вернее, откупилась) от государства.

Есть одна чрезвычайно важная задача, которая вряд ли может быть решена без участия реформаторов как социальной группы. Это сглаживание процесса трансформации, попытка завершить ее в рамках одной политической системы, обеспечив преемственность власти и собственности. От удачливости реформаторов теперь зависит ассортимент товаров на прилавках: если им повезет, то опять будут очереди, а если не повезет — будет из чего выбирать.

Кроме того, реформаторы пока еще близки к власти потому, что они выполняют чрезвычайно важную функцию: они официальные и весьма презентабельные российские нищие, вполне искренне и профессионально добывающие иностранные кредиты для распределения их среди менее презентабельных россиян, грозящих власти акциями социального протеста. Именно поэтому реформаторы стали столпами гражданского общества.

Либеральные преобразования финансировались, как известно, на зарубежные гранты. Вместе с грантами была импортирована

³¹ Борис Березовский в ТВ-интервью сказал, что Немцов, в отличие от Чубайса, не идеологизирован. Вина Чубайса, следовательно, в его идеологической бескомпромиссности.

и их инфраструктура. В стране появились благотворительные фонды и соответствующая деятельность. Эти элементы гражданского общества существуют только как проекции соответствующих зарубежных организаций и на их деньги, поступающие по каналам, контролируемым реформаторами. Прекратится поток денег и организационной помощи, исчезнут и эти институты. Стране новых Советов они не нужны. Государство и общество, не видящие и ненавидящие друг друга, могут обходиться в отношениях между собой без этих буржуазных штучек. Выживут только те организации, которые впишутся в новый административный рынок, но тогда они будут уже его элементами.

Бедность как товар на российском рынке долгов

Российское государство — как и советское — распределяет население по социально-учетным группам, доставшимся ему от СССР (таким как шахтеры, учителя, врачи, военные), а также добывает и распределяет ресурсы для выплаты заработной платы бюджетникам и пенсий пенсионерам. Оно также распределяет предприятия, организации, деньги тем, кто имеет — с точки зрения государства — права на них. Степень государственной значимости социально-учетной группы определяется величиной задолженности государства перед ней. Величина такого долга является капиталом, которым политическое представительство социально-учетной группы (профсоюзы или политические партии, например) торгует на административном рынке, добиваясь его компенсации. Так, политические организации коммунистов и аграриев конкурируют с различными оформлениями партии власти за право представлять интересы шахтеров, военных, учителей, врачей и соответственно за право контролировать распределение ресурсов, которые государство направляет на погашение долгов перед ними.

Бедные являются одной из многих социально-учетных групп пост-социалистического общества. Но бедность стала еще и капиталом. Живописные просители помощи на улицах российских городов вызывают сострадание не только у прохожих, но и у профессиональных благотворителей. В российской культуре, модифицированной семьдесятю годами социализма, бедность чаще всего понима-

ется как невозможность престижного потребления, а богатство — как его возможность. Одни россияне демонстративно — под наблюдением врачей — голодают, мотивируя это тем, что государство не платит им зарплату и им нечего есть, в то время как другие тратят деньги на предметы роскоши, единственным назначением которых становится демонстрация богатства владельца. Само российское государство постоянно демонстрирует, что оно настолько бедно, что даже не может охранять свои ядерные объекты. В то же время экспорт капитала российскими физическими и юридическими лицами и объемы капитальных вложений в жилищное строительство вокруг федеральной и региональных столиц оцениваются в десятки миллиардов долларов.

Государство воспроизводит, по меньшей мере, три относительно независимые социально-учетные формы бедности. Бедны те, кто принадлежит к социально-учетным группам с низким статусом, то есть с нормативно-низким уровнем потребления. Однако члены таких групп имеют, как правило, другие доходы, чаще всего в натуральной форме.

Бедны те, перед кем государство не выполняет свои обязательства по обеспечению нормативных статусных потребностей, то есть не дает членам социально-учетных групп то, что оно им гарантировало — пенсии, квартиры, пайки, заработную плату. Однако известно, как подрабатывают на жизнь офицеры российской армии, например.

И наконец, бедны так называемые «бюджетники», те, кто, по данным статистики, живет на зарплату. Однако известно, кто в стране берет взятки и занимается нелегальным бизнесом, учреждая приближенные к государственным деньгам предприятия.

Настоящими бедными в современной России можно считать людей, которым не повезло. Они оказались бедными во всех трех названных выше смыслах: принадлежат к социально-учетным группам с низким статусом, государство не выполняет минимальные обязательства по удовлетворению их статусных потребностей, и они действительно не включены в отношения теневого производства и перераспределения.

Количество настоящих бедных определить достаточно трудно,³² так как отсутствуют государственные и общественные институты их учета. Более того, не совсем ясно, какими эти институты могли бы быть и какими критериями оценки бедности могли бы руководствоваться в своей деятельности.

Настоящее богатство в России — это прямая альтернатива бедности. Богаты те, кто принадлежит к высокостатусным социально-учетным группам, по отношению к которым государство выполняет все обязательства, и кто занимается бизнесом и включен в отношения теневого распределения, в частности в приватизацию государственного имущества. Однако выделить настоящих богатых как социальную группу так же трудно, как и настоящих бедных, прежде всего из-за отсутствия социально-учетных критериев богатства. Богат в России тот, кто имеет долги и возможность ими торговать. Беден в России тот, кто не имеет долгов и, следовательно, может предъявить государству только свои неудовлетворенные потребности в престижном потреблении.

Большая часть населения страны не бедна, но и не богата. Люди, принадлежащие к низкоранговым социально-учетным группам, обычно активно участвуют в теневом бизнесе, однако они ущемлены тем, что государство не выполняет обязательств по отношению к ним. Поэтому они считают себя бедными. Люди, принадлежащие к высокоранговым группам, обижены на государство, потому что оно распределяет госсобственность не лучшим для них образом. Поэтому они считают себя обделенными.

Можно сказать, что население России в результате постперестроечных преобразований разделилось на три группы. Одна из них представлена людьми, претендующими на получение зарплат и пенсий. Вторая представлена людьми, претендующими на приватизацию государственного имущества. Люди, претендующие на получение зарплат и пенсий, демонстративно голодают и бастуют, когда ничего от государства не получают. Люди, претендующие на получение государственного имущества, используют акции социального протеста людей, ждущих заработную плату, для обоснования своих преимущественных прав на распределяемую государственную собственность. При этом претенденты на государственную собствен-

³² По самым скромным оценкам, размер теневой экономики составляет 40 процентов ВВП. Это значит, кроме прочего, что реальные показатели потребления существенно выше официальных, учитываемых статистикой. Даже прямые наблюдения не всегда дают представление о реальном уровне жизни. Люди потребляют электроэнергию, газ, воду — однако существенная часть населения практически за них не платит.

ность явно или неявно договариваются с претендентами на зарплату о границах допустимого воровства и других форм участия в теневой экономической деятельности, что обеспечивает претендентам на зарплату не только прожиточный минимум, но и возможность накоплений. И первые, и вторые считают себя бедными, демонстрируя свою нищету, — одни утверждают, что им нечего есть, а другие — что у них не хватает денег на взятки, необходимые для покупки очередного предприятия.

Третья группа виртуальна. С одной стороны, это вроде бы претенденты на зарплату и пенсии, а с другой — эти же «бюджетники» распоряжаются госимуществом как своей собственностью или приватизировали некоторые государственные функции, такие как таможенный контроль и борьбу с преступностью. Представителей этой группы можно считать настоящими российскими бизнесменами, а их бизнес — торговлю властью — настоящим и единственно специфичным российским бизнесом.

Условием богатства в России, то есть сохранения и повышения уровня потребления, является демонстрация бедности. Периодически в российских, а потом и в зарубежных СМИ начинаются пропагандистские кампании, создающие миф о том, что бедны шахтеры, учителя, врачи, военнослужащие, люди, пострадавшие при ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской АЭС, и т.д. Постсоциалистическая Россия при бедняется перед мировым сообществом для того, чтобы получить кредиты и помощь, а ее граждане изображают бедность перед своим государством для того, чтобы потреблять так, как это делают, по их мнению, богатые люди. Внутреннее устройство при бедняющегося государства остается тайной, и лишь потенциальное сырьевое богатство и демонстративные признаки бедности оказываются в поле внимания внешних наблюдателей.

Россия нашла свой собственный способ капитализации экономики, заключающийся, в частности, в экспорте мифа о бедности и в торговле им на внутреннем и внешнем рынках. Демонстративная бедность Советской армии превратилась в результате удачной капитализации этого мифа в личное богатство многих российских генералов и офицеров, в офицерские городки и казармы, построенные на немецкие деньги. Мифологизированное страдальчество чернобыльцев превратилось в богатство лидеров многочисленных организаций, претендующих на представление интересов пострадавших от взрыва атомной станции. Бедность регионов, таких как Татария, Башкирия и Якутия, капитализировалась в многочисленных эконо-

мических и административных льготах и связанном с ними обогащении (то есть престижном потреблении) национальных элит в целом и отдельных их представителей в частности.

Бедность оказалась хорошим товаром, который производится государством в целом и его отдельными институтами, экспортируется и потребляется мировым политическим и финансовым истеблишментом, озабоченным социальной стабильностью в ядерном государстве. Взамен Россия получает кредиты, увеличение внешнего долга и видимость сохранения статуса великой державы, что прибавляет веса российскому истеблишменту в его собственных глазах.

Существенная часть кредитов прямо направлена в социальную сферу. Они не предполагают получение прямой прибыли, а ориентированы на поддержание возможностей элиты доить страну без особых социальных возмущений и бунтов. Вполне возможно, что другого пути капитализации экономики далеко зашедшего социализма просто нет. Народ, что бы там ни говорили, богатеет, страна остается, судя по экономическим показателям, с низким уровнем роста или в депрессии. Это означает, что в стране есть экономический рост.

Но результаты роста поглощаются социально-учетной структурой государства, этими мифологическими рабочими, крестьянами и служащими, прожорливыми порождениями системы социального учета и контроля, для которых потребление было, есть и будет единственной целью их учетной жизни. Эти группы были созданы для уравнительного распределения и потребления, и никакой другой жизни у них нет. Пока не вымрут те, кто определяет себя как рабочие, крестьяне и служащие и косит под бедных, никаких радикальных изменений в стране не может быть. Страна будет богатеть, но богатство не сможет быть капитализировано, так как скрывается в неизвлекаемых формах, в советской — несмотря ни на что — природе власти и в административно-рыночной организации экономической и политической жизни.

Средства информации власти

В России нет СМИ в традиционном смысле этого понятия. Есть средства информации власти о ней самой и об отношении к ней так называемого народа, то есть рабочих, крестьян и служащих. Средства информации власти есть элемент сегодняшней власти, это силовая корпорация, насилующая власть и, в меру необходимости, читающий и смотрящий народ. Описания жизни в российских газетах и журналах строятся на таких терминах, как «олигархи», «рыночная экономика», «команда молодых реформаторов», «гражданское общество», «политическая жизнь России», «организованная преступность» и т.п. Эти бессмысленные словосочетания вытесняют саму возможность для рационального описания и понимания каждодневных реалий. Газеты и журналы, каналы ТВ и радио стали прямыми наследниками Агитпропа, в функции которого входило, прежде всего, засерание мозгов, то есть создание шумового фона, исключающего возможность отделения правды от лжи, информации от дезинформации.

В средствах информации власти информация появляется только тогда, когда этого нельзя избежать. Реальность им интересна только в той степени, в которой она зрелищна, театральна. Владельцы средств информации власти и их работники выделяют из потока жизни только те события, которые могут быть представлены как спектакли, и в какой-то степени режиссируют их. Иногда — и все чаще — средства информации власти сами создают события-спектакли, исходя из экономических предпочтений их владельцев. Логическим завершением развития средств информации власти стало создание «Группы 96», которая рекламирует себя как организация, творящая реальность, — разумеется, за большие деньги.

В средствах информации власти плодотворно и на партнерских началах взаимодействуют бывшие чекисты и их бывшие агенты из среды творческой интеллигенции. Их труд оплачивают бывшие фарцовщики и кидалы, ставшие новыми русскими. А труд заключается в формировании нового российского сознания. Задача средств информации власти — разработка, воспроизводство и распространение — среди власти — стереотипов, оправдывающих существование именно этой власти, в том числе и через ее отрицание. Люди в меру своей зависимости от власти или принадлежности к ней зависят и от средств информации власти, вынужденно — для сохранения или повышения своего властного статуса — принимая и воспроизводя их стереотипы. Власть, как известно, не однород-

на, не имеет собственной памяти и истории. Отдельные ее части — через зависимые от них средства информации власти — информируют другие части о том, как они их видят, запускают компромат. Это придает некоторую игривость и живость новостным и аналитическим программам ТВ и газетно-журнальным публикациям, делая их похожими на настоящие СМИ.

Средства информации власти соединили в себе организационную структуру, методы работы и «человеческий потенциал» КГБ и Отдела пропаганды ЦК КПСС, скрепленных местечковым гешефтмахерством. Получилась смесь Пятого главка с Пятым пунктом, выделяющая из себя «компромат» просто потому, что это для нее естественный физиологический процесс. Нельзя же ждать конфетки от машины для производства говна. Люди, писавшие доносы, и люди, их получавшие, легализовались в совместной деятельности по производству «забойных» материалов для средств информации власти. Продукт их деятельности — компромат — представляет гибрид жанров доноса, политического анекдота и разоблачительных публикаций в советских газетах.

Жанр компромата сменил жанр гласности, точно так же как гласность вытеснила жанр самиздата. Но в этом жанре невыразимы многие отношения, важные с точки зрения мифологически озабоченных групп российского общества. В первую очередь, на языке компромата нельзя описать национальную идею. Именно для этой цели бывшие диссиденты, обслуживающие власть, занялись словотворчеством и возрождением аналога деревянного языка Страны Советов. Они работают не за страх, а за деньги. Народ уже привык к их новациям, таким как «команда молодых реформаторов», «олигархи», «семь главных дел», «двенадцать главных дел». Теперь на очереди какие-нибудь аналоги «эпохи великих свершений» и «борьбы с космополитизмом».

Параллельно деревянному языку формируется и новый язык истины и его среда — самиздат. Пока что — на начальном этапе становления государственной и корпоративной цензуры — самиздатовские творения смотрятся как интеллигентный вариант компромата. Но с появлением настоящей цензуры³³ самиздат расцветет. Ведь издательские и коммуникационные возможности (такие как Интернет) не сравнимы с тем, что имели правдоискатели десять лет назад. Пока содержание самиздата составляет творчество аналитиков новой волны, специализирующихся на интерпретациях сю-

³³ Попытки установить цензуру имеют два направления: запрет на компромат любого рода и запрет на проявления обиденного сознания в СМИ, то есть на порнуху и мат.

жетов, поставляемых средствами информации власти. Они, в частности, по тону ведущих информационных сводок и аналитических программ, а также по последовательности появления компромата в газетах строят предположения о содержании и развитии основных политических интриг. В сегодняшнем самиздате формируются концептуальный каркас и методология новой советологии, этой, казалось бы, навсегда ушедшей в небытие области спекулятивной политической феноменологии.

Через тернии в жопу

Разговоры о строительстве капитализма в России закончились формированием специфического российского административного рынка, в котором главным товаром стали долги, и реставрацией социальных основ социализма, отличающегося от советского временным отсутствием агрессивной официальной идеи и приватизированностью репрессивных и силовых институтов.

Проблемы, с которыми сталкиваются деятели нового административного рынка, не разрешимы в узких территориальных рамках России. Для их решения необходимо воссоздание СССР — под другим названием. Для воссоздания СССР необходимы объединяющая (национальная) идея, национализация силовых и репрессивных институтов и прозрачность границ внутри нового государства — во всяком случае, для новых холдингов и старых транснациональных корпораций. Если объединяющая идея будет сформулирована, а репрессивные институты национализированы, то консолидированную внутреннюю агрессию «бедных», завистливых и хорошо вооруженных сограждан из бывших республик СССР вскоре почувствуют их ближние и дальние соседи.

Социальная опора строителей нового государства известна — маргиналы всех видов, алкаши, психопаты да завистники, которым всегда не хватает: кому на бутылку, кому возможности излиться в припадке откровенности на коммунальной кухне, не отличимой по интерьеру и запаху от сортира, кому — доказательств сходства жопы с пальцем или, наоборот, общественного признания их несравнимости. Этим людям важно, чтобы их уважали хотя бы потому, что они граждане устрашающего государства. В самих себе они не находят оснований для уважения и вынуждены иметь какую-ни-

будь «крышу». И в этом смысле «громила Вася из нашего подъезда» неотличим от «нашей великой Родины, готовой защитить своих граждан».

Экономически активная часть народа не верит в «будущее для всех» и интуитивно выбирает оптимальную, с моей точки зрения, стратегию: люди пиздят все, что можно продать, и вкладывают вырученные деньги в свое собственное индивидуальное будущее — в жилье, в здоровье, в образование детей.

Многим более или менее нормальным гражданам почившей в бозе страны Советов тоже хочется обратно в СССР, но в хороший СССР — со свободой слова и собраний, где нет того, что они называют организованной преступностью и государственным рэкетом. Им хочется в такой СССР, в котором можно было бы жить частной жизнью и магазины которого не отличались бы от заграничных. Но устроить такую жизнь гораздо сложнее, чем построить социализм или капитализм в отдельно взятой стране.

Этого-то людям, воспитанным на логике марксистских концепций переустройства мира (даже в их либеральной интерпретации), объяснить нельзя. Они считают, что окружающая их (и неприятная) действительность возникла в результате чьих-то рациональных действий. Им кажется, что от них зависит нечто большее, чем их собственная жизнь. И если они проявят социальную активность, то приблизят желанное им состояние общества. Эти люди искренне считают, что они хорошие, но живут в плохом обществе, и столь же искренне пытаются это общество улучшить. В известном анекдоте некто пытался собрать швейную машинку из деталей украденных на советском заводе швейных машин. Но получались у него пулеметы. И как бы ни пытались бывшие соцграждане построить гражданское общество, получится у них либо социализм, либо фашизм. Иного им не дано.

Распад социально-экономической системы социализма стал планетарным катаклизмом, в котором для активных действий бывших соцграждан еще нет места. Слишком масштабны силы, слишком грубы и безличностны. Многие из тех, кто счел себя в силах активно участвовать в этом распаде, надорвались или погибли. Мне кажется, что наших новых олигархов, уверенных в том, что им сам черт (такой как Джордж Сорос) не брат, ждет весьма печальная судьба.

Жить всегда приходится при какой-то власти. Нам не повезло, пришлось жить при власти, которая сама себя не знает и не приемлет,

сама с собой борется и заставляет — через средства информации власти — думать, что так жить нельзя и надо бороться — с ней самой, с извержениями вулканов, землетрясениями и цунами.

То, что осталось от Варшавского пакта вместе с его многочисленными желто- и чернокожими союзниками, — песчаная воронка, в которую втягиваются с разной скоростью разные реальности. Воронка втянула СССР, страны Восточной Европы, втянет и немногочисленные оставшиеся социалистические режимы. Бывшие граждане страны Советов, хотят они этого или не хотят, оказались в воронке: на дне зверь, песчаный лев. Им бы затаиться, замереть, слиться с песком, стать частью воронки, которую со временем, может быть, занесет ветер, или на нее наступит какое-нибудь космическое животное. А наверх у них дороги нет, и солнышко над головой — не более чем видимость.

Но затаиться не просто, необходимо усилие, чтобы не начать барахтаться в песке, который скатывается со стен со скоростью, пропорциональной усилиям пленников, увлекая их за собой. Переваренные зверем обитатели этого мира превращаются в говно, кое имеет свойство накапливаться. Так что нам, попавшим в воронку, по жизни суждено стать говном или влипнуть в него.

За десятки лет воронка поглотила миллионы людей, переведя их в то, что радетели русской идеи называют социалистическими ценностями, русской культурой и национальными особенностями. Но на самом деле это разные формы говна социалистического зверя. Часть говна разложилась, часть окаменела, превратившись в «мумиё», коему местная молва приписывает целебные свойства. Но всюду жизнь, даже в говне, и поколения говноедов сменяют друг друга, сами превращаясь в говно. Только чирикающих говноедов за десять лет сменилось пяток видов: спичрайтеры генсека, прорабы перестройки, публицисты гласности, обозреватели-компроматчики.

И что бы ни делали бывшие граждане страны Советов, чтобы улучшить экологию своей родины, пройдут десятилетия, прежде чем эта воронка сравняется с землей.

Русский журнал, 1998

Кордонский Симон Гдальевич

Родился на Алтае в 1944 г. По образованию зоолог, кандидат философских наук. Действительный государственный советник 1 класса, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики.

С 70-х годов XX века исследует особенности социальной организации отечественной государственности, автор трех книг и большого количества публикаций в отечественных и зарубежных изданиях.

В книге, представляющей собой серию статей последних десяти лет, автор подвергает ревизии сложившиеся представления о линейности развития российской государственности и о том, что после распада СССР в России возник и развивается капитализм. Он вводит понятие ресурсного государства и обосновывает тезис о том, что в силу особенностей его устройства периоды ослабления и экономической деградации и разрухи (перестройки, оттепели, революции, гражданской войны — вплоть до распада) сменяются периодами укрепления государственности, сопровождающимися восстановлением народного хозяйства, — феноменом, который не вполне адекватно интерпретируется как экономический рост. В связи с этим автор ставит вопрос о границах применимости для анализа устройства ресурсного государства таких понятий, как право, демократия, гражданское общество, экономика.

Москва
REGNUM

2007